Герулъ
Отчужденние

М 1/203

И 1/203
7510

Дозволено цензурою 19 Іюля 1900 г. С.-Петербургъ.

57

ОТЧУЖДЕННЫЕ.

(Въ Новомъ Гетто).

DAS NEUE GHETTO.

Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Соч. Т. Геруль. [= Тh. Герцль]

Посвящена Максу Нордау.

Переводъ Е. М. Бабецкаго.

ИЗДАНІЕ ТЕАТРАЛЬНАГО ОТДѢЛА
книжнаго магазина газеты „НОВОСТИ", Б. Морская, д. 17.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

51-1003
Библиотека им. В. И. Ленина
ПОГАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати", Англійскій пр., № 28.
1900.

ИК

…СИЙСКАЯ
ГОС…РСТВЕННАЯ
…ЛИОТЕКА
36/р 34
2007237570

Дѣйствующiя лица:

Гелльманъ, крупный суконный торговецъ.
Его жена.
Шарлотта Рейнбергъ } ихъ дочери.
Гермина Самуэль }
Самуэль, часовщикъ.
Его жена.
Д-ръ Яковъ Самуэль, адвокатъ.
Рейнбергъ, биржевикъ.
Вассерштейнъ, биржевой агентъ.
Д-ръ Фридгеймеръ, главный раввинъ Вѣны.
Фонъ-Штроммъ, ротмистръ.
Д-ръ Бихлеръ, врачъ.
Д-ръ Францъ Вурцлехнеръ, адвокатъ.
Петеръ Ведникъ, углекопъ.
Разсыльный.
Баби, горничная у Гелльманъ, потомъ у Самуэля.
Катя горничная } у Гелльманъ.
Роза, кухарка }
Слуга.

Дѣйствiе происходитъ въ Вѣнѣ, въ 1893 году.

Дѣйствіе первое.

Салонъ. Портьеры и все убранство — конца семидесятыхъ годовъ. Много блеска и позолоты. Главный входъ справа. Посрединѣ въ глубинѣ — открытая на балконъ дверь, — балконъ узокъ и длиненъ. Съ лѣвой стороны въ глубинѣ широко раскрытыя двери въ столовую, — видна часть буфета. Съ лѣвой стороны впереди открытыя двери. Повсюду свадебные подарки и цвѣты.

1е Явленіе.

Катя, Баби, Роза, потомъ Бихлеръ.

Катя (перегнувшись черезъ балконъ, смотритъ вдаль).

Баби. Видно?

Катя. И слѣда нѣтъ.

Роза (сидя). Раввинъ ихъ, однако, задержалъ. Богатые люди долго вѣнчаются.

Баби. Да, они богаты! Какіе у нихъ брилліанты! Какъ булыжники!

Роза. Настоящіе жиды!

Катя. Фрау Роза, вы, однако, совсѣмъ спокойны.

Роза. Теперь нечего варить. (Указываетъ по направленію столовой). Все приготовлено.

Катя (садится къ ней). И красивая же

была наша фрейлинъ Чермина въ своемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ.

Бабu (также присѣвъ). А мнѣ нравится женихъ.

Роза. Ахъ, оставьте: жидъ! Съ такимъ носомъ!

Бабu. Ахъ, фрау Роза, милъ онъ во всякомъ случаѣ.

Катя. И такой ласковый, пріятный господин. Я его знаю.

Бихлеръ (вошелъ и останавливается, улыбаясь). Добрый день, милыя дамы!

Катя и Бабu (быстро поднявшись, оправляются). Ахъ, господи! Г. Докторъ!

Роза (медленно поднявшись). Благодарю васъ!

Бихлеръ. Ну, какъ дѣла, фрау Роза?

Роза. Ноги совсѣмъ стали плохи. Вѣдь, цѣлый день стоишь на камняхъ у печи.

Бихлеръ. Я дамъ вамъ самицилки.

Роза. Благодарю васъ, г. докторъ! (Уходитъ).

Бихлеръ (доставъ часы). Въ три часа поздравленіе. Еще никто не возвратился изъ синагоги?

Бабu. Нѣтъ, г. докторъ!

Бихлеръ. Что мой подарокъ благополучно доставили?

Катя. А что было отъ васъ, г. докторъ?

Бихлеръ. Фарфоровая ваза, старинной вѣнской работы.

Катя. Фарфоровыя вещи стоятъ тамъ.

Бихлеръ. Покажите-ка ихъ. (Уходитъ въ сопровожденіи Кати налѣво).

2е Явленіе.

Вассерштейнъ и Баби.

Вассершт., (съ правой стороны, въ поношенномъ, но тщательно вычищенномъ костюмѣ его цилиндръ засаленъ, но свѣже выутюженъ). Добрый день. Хозяевъ еще нѣтъ?

Баби. Нѣтъ. Что вамъ угодно?

Вассершт. Т. е., какъ это, что мнѣ угодно? Мнѣ угодно поздравить. Я поздравитель.... Меня зовутъ Вассерштейнъ.

Баби. Подождите здѣсь немного.

Вассершт., (озираясь вокругъ, про себя). Тонко! (Вздыхаетъ). Благородно!... (Обходитъ все и осматриваетъ какъ оцѣнщикъ). Элегантно!.... Положимъ, также и не ново. За этотъ гарнитуръ я дамъ еще и сегодня 800 гульденовъ.... Скажемъ 750. Это онъ стоитъ..... (Вздыхаетъ). Эхъ-хе-хе, бѣда моя! (Осматриваетъ портьеру). Великолѣпный сортъ!

Баби (слѣдитъ за нимъ подозрительно и ходитъ по пятамъ).

Вассершт., (замѣтивъ это, наконецъ, — про себя). Ахъ, вотъ что! У нея нѣтъ довѣрія ко мнѣ!... (Вздыхаетъ). Вассерштейнъ, ты так

выглядишь? Ты такъ глубоко палъ?... (Беретъ себѣ стулъ). Вы позволите, конечно, фрейлинъ? Я поздравитель.... (Увидѣвъ столъ съ подарками). Ага, вотъ это свадебные подарки? Да, фрейлинъ?

Баби (очень подозрительно). Да, конечно.

Вассеритъ, (приблизившись къ столу). Великолѣпно!... Эхъ-хе-хе, -бѣда моя!

Баби (-близко отъ него).

Вассеритъ. Выставка! Сервизъ — пссс... на двадцать четыре персоны! И эти канделябры! Массивно! Серебро, вѣдь, красиво, — кромѣ того, и дешево! (Беретъ подсвѣчникъ въ руку).

Баби. Оставьте!

Вассеритъ., (улыбаясь). Что вамъ, милое дитя, представляется? Я, вѣдь поздравитель.

Баби. Все равно. Оставьте! (Хочетъ его взять подъ руку).

Вассеритъ. Если вы меня такъ дружески просите.... Ахъ, пожалуйста.... Но смотрѣть можно? Глазами я, вѣдь, ничего не могу унести, милое дитя. (Кладетъ руки за спину и перегибается черезъ столъ).

3е Явленіе.

Тѣ же и Бихлеръ.

Бихлеръ (изъ лѣвыхъ дверей). Все настоящее,

г. Вассерштейнъ!

Вассершт., (ажитировано). Г. докторъ Бихлеръ! Честь имѣю, г. докторъ! Вы узнали меня?

Бихлеръ. Что за вопросъ?

Вассершт. Боже мой, человѣка, котораго постигли неудачи, узнаютъ немногие.. Вдругъ всѣ становятся близорукими, — точно распространилась какая-то глазная эпидемія. Меня тоже постигла теперь эпидемія....

Бихлеръ (садясь). Не сядемъ-ли?

Вассершт. Конечно. (Къ Баби). Вы видите, милое дитя, что я дѣйствительно поздравитель... (Къ Бихлеру). Она отнеслась ко мнѣ очень подозрительно. (Садится).

Бихлеръ (смѣясь). Я ручаюсь за этого господина.

Баби (застѣнчиво). Я не могла этого знать. (Уходитъ налѣво).

Бихлеръ. Итакъ, мы теперь внизу любезный?

Вассершт. Внизу? Скажите въ подвальномъ этажѣ. А что подъ подваломъ? Подпочвенная вода? такъ я на самомъ днѣ ея!

Бихлеръ. Все проиграли на биржѣ?

Вассершт. Я платилъ, пока былъ въ состояніи. Затѣмъ.....

Бихлеръ. Вы перестали играть?

Вассерит. Почему вы это думаете? Я остался долженъ и, наконецъ, долженъ былъ совсѣмъ оставить биржу.

Бихлеръ. Непріятно! Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

Вассерит. Я хожу на биржу.

Бихлеръ. Да, снаружи.

Вассерит. Нѣтъ, и во внутрь. Рейнбергъ, зять Челлмана, покончилъ мои счеты... (Вздыхая). За пустыя деньги... Я теперь его агентъ... И сюда я сегодня пришелъ только для того, чтобъ сообщить ему послѣдніе курсы, иначе я бы.... Что я собственно въ этомъ домѣ?

Бихлеръ. А что?

Вассерит. Да, вы не знаете, что я.... я!.... хотѣлъ сватать фрейлинъ Чермину и жениться!

Бихлеръ. Вотъ что!

Вассерит. Какъ видите меня. Т. е. не такъ, какъ вы видите меня теперь, а такъ, какимъ я былъ годъ тому назадъ, когда это платье было еще ново. Она тоже виновата въ моемъ раззореніи.

Бихлеръ. Кто? Фрейлинъ Чермина?

Вассерит. Натурально. Чтобъ жениться на дочери Челлмана, надо имѣть много денегъ.

Бихлеръ. ?. Челлманъ, вѣдь не богатъ.

Вассерит. Я тоже цѣню его не очень вы-

соко. Скажемъ сто тысячъ гульденовъ. И то они лежатъ въ домѣ. А если онъ когда-нибудь умретъ, — что надо надѣяться, не случится....

Бихлеръ. Ха, ха, ха!

Вассерштейнъ. Короче: небольшое состоянiе, но большiя потребности и дочери воспитаны для миллiонеровъ. Когда я влюбился въ фрейлинъ Чермину, я сказалъ себѣ: Вассерштейнъ, теперь ты долженъ сдѣлаться миллiонеромъ. Я взялъ себѣ за образецъ Вейнберга, который за три года передъ этимъ женился на другой дочери Челмана. И вотъ, я вступилъ въ бой, чтобъ побѣдить фрейлинъ Чермину — я влюбился въ большое количество португальскихъ фондовъ.

Бихлеръ. Влюбились?

Вассершт. Такъ говорится. Это называется „покупать". Я покупалъ и покупалъ, а португальскiе все падали и падали. Я боролся.....

Бихлеръ. И вы проиграли сраженiе?

Вассершт. Какъ генералъ!

Бихлеръ (встаетъ и прохаживается). Какiя только формы не принимаетъ любовь! Ромео покупаетъ португальскiй заемъ.

Вассершт. Ахъ, любезный докторъ, я не въ состоянiи былъ больше считать, — я имѣлъ въ головѣ только ее. Я до глупости влюбил-

ся въ эту дѣвушку. Она такъ красива, такъ изящна, — у нея волосы, какъ изъ золота!

Бихлеръ. Вы впадаете въ лиризмъ.

Вассерштейнъ. Во что я впадаю?

Бихлеръ. Я хотѣлъ сказать, что вы выражаетесь, какъ поэтъ.

Вассерштейнъ. (глубокоогорченный). И теперь все рухнуло: и мои деньги, и эта дѣвушка! Хоть бы я по крайности сохранилъ деньги. Но все потерять! Это очень тяжело!

Бихлеръ. Если бы вы, г. Вассерштейнъ, были философомъ, вы бы знали, что ваши потери обыкновенное дополненіе къ другимъ несчастіямъ, — съ вашими потерями можно еще мириться.

Вассерштейнъ. Извините, но какъ?

Бихлеръ. Если съ счастливой биржевой игрой связано обладаніе всѣми земными благами, то съ несчастной — всевозможныя лишенія. Рейнбергу везло, вамъ нѣтъ. Это одно и тоже.

Вассерштейнъ. Для чести, — пожалуй.

Бихлеръ. Вотъ это вы и должны понимать, какъ философъ.

Вассерштейнъ. Но я никакой философъ! Совсѣмъ напротивъ. И когда я былъ теперь въ храмѣ, сердце у меня разорвалось на части. Когда я увидѣлъ ее рядомъ стоящую съ докторомъ Самуэль, — ее всю бѣлую, его всего черного.... И я при этомъ думалъ: Вассерштейнъ, если бы

ты тогда подвелъ контръ-мину подъ португальскіе.... Но бѣда моя! (Вытираетъ слезу). Я скорѣе ушелъ, чтобъ не замѣтили моихъ страданій, и съ отчаяніемъ въ душѣ пошелъ черезъ Аспернскій мостъ.

Бихлеръ. Что вы!

Вассеришт. Да. Къ биржѣ.... Крѣпкое настроеніе съ турецкими бумагами.

Бихлеръ (смѣясь). А я было подумалъ, что вы хотѣли лишить себя жизни.

Вассеришт. А, у меня совсѣмъ другія заботы!

Бихлеръ. Смѣшно, право, какъ все складывается. Если бы вы правильно повели свою спекуляцію, жизнь трехъ людей сложилось бы иначе.

Вассеришт. Какъ трехъ?

Бихлеръ. Вы, фрейлинъ Чермина и докторъ Самуэль.

Вассеришт. Вы знаете доктора Самуэля?

Бихлеръ. Я его ввелъ въ этотъ домъ.

Вассеришт. А я полагалъ, что это сдѣлалось черезъ свадебнаго комиссіонера

Бихлеръ. Самуэль? За кого вы его считаете? Онъ не такой. Развѣ вы о немъ не слыхали?

Вассеришт. Слыхалъ, - о, да. Адвокатъ. У него много дѣлъ?

Бихлеръ. Обыкновенно не очень много. Онъ защищаетъ интересы людей честныхъ.

Вассеришт. Что, можно съ этого жить?

Бихлеръ. Кажется.

Вассеришт. Стало-быть, хорошо! Фрейлинъ Ирмина захочетъ, вѣдь, такъ жить, какъ ея сестра, фрау Рейнбергъ. Хорошіе туалеты, бриліанты, театры, концерты. Это называется пропускать денежки. А можетъ ли это человѣкъ, живущій своимъ заработкомъ?... Впрочемъ, что я говорю? Рейнбергъ, конечно, будетъ ему помогать. Такой своякъ что-нибудь да стоитъ! Рейнбергъ можетъ его сдѣлать при банкахъ юрисъ-консуломъ.

Бихлеръ. Консультомъ.

Вассеришт. Сдѣлайте одолженіе, — пусть ихъ называютъ юрисъ-консультами. Короче, Рейнбергъ поддержитъ его за плечи.

Бихлеръ. Только если Самуэль допуститъ до этого.

Вассеришт. То есть, какъ это? Что онъ сумасшедшій, что не допуститъ этого? Въ чемъ тутъ будетъ острота?

Бихлеръ. Г. Вассерштейнъ, вы этого не поймете.

Вассеришт. Возможно, но все таки, онъ..... такое счастье этому человѣку!

Бихлеръ. Вы ему очень завидуете?

Вассеришт. Я? По чести, нѣтъ. Эмануэль Вассерштейнъ не знаетъ зависти. Я имѣю только состраданіе... къ себѣ. Изъ состраданія къ себѣ я изъ синагоги ушелъ.

Бихлеръ. Много тамъ было народа?

Вассерштт. Весь суконный рядъ оказалъ честь Чиллману. Много адвокатовъ, натурально.... Да, почему не было васъ, г. докторъ?

Бихлеръ (улыбаясь). Объ этомъ вы можете догадаться.

Вассерштт. Да, правда! Вѣдь, вы крещенный.

Бихлеръ. Раввинъ не выноситъ меня, я это знаю. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ. И такъ какъ я не желаю сердить своимъ присутствіемъ благочестивыхъ евреевъ.... (Слышенъ стукъ подъѣхавшихъ экипажей).

Вассерштт. Почему собственно вы крестились?

Бихлеръ. Собственно - это васъ не касается, любезный. Но я отвѣчаю всегда на вопросъ. То, что я сдѣлалъ обусловлено моей индивидуальностью.

Вассерштт. Индиви.... Какъ? Этого я тоже не понимаю.

Катя (пробѣгаетъ съ лѣвой стороны въ правыя двери). Они уже здѣсь!

4е Явленіе.

Бихлеръ, Вассерштейнъ, Яковъ Самуэль, Термина, Катя, потомъ Францъ, позднѣе Чиллманъ съ женою, отецъ и мать Самуэль,

Рейнбергъ и Шарлотта.

(Во время всей этой сцены слышенъ стукъ подъѣзжающихъ экипажей. Гости входятъ по три или четыре персоны, изъ правыхъ дверей, подходятъ къ молодымъ, и, если имъ не о чемъ говорить, ограничиваются рукопожатіями, поцѣлуями и поклонами, - въ глубинѣ сцены).

Яковъ (останавливается у дверей вмѣстѣ съ Герминой, входя). Теперь ты моя жена! (Откидываетъ фату назадъ и цѣлуетъ ее въ лобъ).

Гермина. Катя, помогите мнѣ снять вуаль.

Бихлеръ (протягивая Якову обѣ руки на встрѣчу). Полнаго счастья!

Яковъ (тепло). У васъ это отъ сердца! Благодарю!

Бихлеръ (къ Герминѣ). Дорогое дитя! (Къ Якову). Я могу поцѣловать Гермину?

Яковъ (улыбаясь). И вы еще спрашиваете?

Бихлеръ (цѣлуетъ Гермину въ лобъ).

Вассерштт., (къ Якову). Моя фамилія Вассерштейнъ. Я также поздравляю.

Яковъ (дружески). Много благодаренъ!

Вассерштт. Я старый знакомый семейства Геллманъ и потому я такъ радъ поздравить.

Яковъ (обращается къ Герминѣ, кото-

рая занята вуалемъ). Чермина, другъ вашего дома.

Вассеритъ., (дѣлаетъ почтительный поклонъ). Сударыня, я очень радъ васъ поздравить.

Чермина (благодаритъ, улыбаясь).

Францъ (входитъ).

Яковъ (замѣтивъ его, спѣшитъ къ нему на встрѣчу). Францъ! Дорогой мой! (Обнимаетъ его и подводитъ за руку къ Черминѣ). Вотъ это докторъ Вурцлехнеръ, мой другъ! Тотъ самый, о которомъ я тебѣ разсказывалъ такъ много. Мои родители и онъ составляли мою семью, пока я не узналъ тебя.

Францъ. Теперь мы всѣ трое немного подадимся назадъ.

Чермина (понявъ игру словъ). Въ самомъ дѣлѣ.

Нѣкоторыя дамы (шумятъ богатыми туалетами, украшены бриліантами, входя, обнимаютъ Чермину).

Францъ (съ Яковомъ немного отходитъ въ сторону). Такъ-то, дружище! Но, вѣдь, тебѣ сейчасъ не до меня.....

Яковъ. Ты хочешь уйти? Ты этого не сдѣлаешь! Въ такой день ты останешься у меня!

Францъ. Я здѣсь совсѣмъ не знакомъ, а ты принадлежишь сегодня всѣмъ этимъ господамъ.

Яковъ. Погоди мгновенье. Суета эта сейчасъ окончится. Побудь въ обществѣ доктора Бихлера. Этого ты, вѣдь знаешь.

Францъ. Конечно... Ну, какъ, хочешь.

Яковъ. Родителеи моей жены.

Францъ (идетъ къ Бихлеру налѣво, раскланивается).

Челманъ (патетически). Ко мнѣ на грудь, зятюшка!

Фрау Челманъ (плача). Сдѣлай ее счастливой!

Яковъ (обнимаетъ ихъ).

Бихлеръ (къ Францу). Вы были въ синагогѣ?

Францъ. Да. Это совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ. Я не знаю, мнѣ не все показалось истинно благочестивымъ. Быть можетъ, это отъ того, что мужчины въ шляпахъ. Но пѣніе было прекрасно. Одинъ пѣлъ удивительно. И потомъ органъ! Это настроило мою душу очень торжественно.

Бихлеръ. Это старинные напѣвы, которые уже многія столѣтія трогаютъ сердца людей.

Францъ. Какъ это все сохранилось. Эти чужіе обычаи среди насъ.... Удивительно!... И Яковъ сегодня тоже показался мнѣ другимъ.

Бихлеръ (смѣясь). Понятно, почему онъ невсегда такой! (Уходятъ въ глубину, смѣясь).

Яковъ. Моихъ родителей нѣтъ еще?

Фрау Целлманъ. А вотъ и они.

Самуэль (входитъ изъ правыхъ дверей съ женой радостно настроенные).

Яковъ (цѣлуетъ сначала у матери руки, а затѣмъ отца). Мои дорогіе! (Посреди нихъ выходитъ впередъ). Это самый радостный день! У васъ есть теперь дочь, - дивно прекрасная!

Самуэль. Будемъ за это благодарны Богу... Замѣть, кто либо изъ Самуэлей съ некрасивой женой — это противно природѣ! Посмотри-ка на свою мать еще и теперь. Мы не допускаемъ свою расу до вырожденія!

Яковъ (смѣясь). Ахъ, батюшка, Самуэлевская раса!

Самуэль. А что, развѣ не хороша?

Яковъ (жметъ ему руку). О да, я отъ чудныхъ, прекрасныхъ родителей! Но къ нашей крови прибавился новый источникъ, тоже не дурной. Я желаю дѣтей, которыя были бы похожи на васъ.

Фрау Самуэль. А я тебѣ желаю такихъ дѣтей, - какимъ ты былъ и есть. Пусть это будетъ тебѣ наградой за ту радость, которую ты доставлялъ намъ всегда.

Яковъ (взволнованный, цѣлуетъ у матери руку). Матушка!

Фрау Самуэль. Теперь, дитя мое, ты должен серьезно и разумно устроить свою новую жизнь. Будь господиномъ въ своемъ домѣ, но не строгимъ господиномъ. Помни: она молодое дитя и еще не знаетъ, какъ трудна жизнь. Ты зналъ борьбу за существованіе и ежедневно добывалъ свой хлѣбъ, — она выросла не при столь тяжелыхъ условіяхъ. Избавь ее отъ напрасныхъ заботъ, но горе она должна нести вмѣстѣ съ тобою. Доставляй ей удовольствія, но не допускай легкомыслія. Живи по своему состоянію и ты не будешь дѣлать того, что тебѣ не по силамъ. Мы воспитали изъ тебя честнаго человѣка и твой характеръ не такой, чтобъ унижаться ради денегъ.

Самуэль. Запечатлѣй это въ сердцѣ своемъ, сынъ мой! Лучше и я не могъ-бы тебѣ сказать.

Гермина (подходитъ). Вотъ и я, папаша. (Подставляетъ сначала Самуэлю, потомъ фрау Самуэль для поцѣлуевъ свой лобъ).

Фрау Самуэль (къ мужу). Позволь мнѣ, я пару словъ хочу сказать нашей дочери. (Садится).

Самуэль (отводитъ Якова на нѣсколько шаговъ). Мы теперь лишніе.

Фрау Самуэль. Садись, дитя мое.

Гермина (садится).

Фрау Самуэль. Дитя мое, съ мужемъ твоимъ легко ладить, если его понять. Онъ гордъ. Мн... что онъ терпитъ поэтому и всегда много терпѣлъ — и я съ нимъ. Я часто бывала напугана его гордостью — и когда онъ еще мальчикомъ былъ, онъ не переносилъ обидъ и отличался неукротимостью. Но по мѣрѣ того какъ росло мое материнское чувство, — а каждая мать сама растетъ вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ, — я начала направлять его гордость въ ту сторону, въ которую я хотѣла. Такъ поступай и ты.

Голмина. Я это попробую маман.

Фрау Самуэль. Я была не образованной женщиной, — я и сейчасъ не могу написать какъ слѣдуетъ правильно письма; — но ради сына я стала учиться. Я усвоила себѣ лучшее произношеніе, чѣмъ еврейско-нѣмецкое, чтобъ онъ не стыдился меня. Такъ поступай и ты. Старайся подняться до его высоты, ты поймешь его и онъ будетъ чувствовать себя съ тобою хорошо даже и тогда, когда пройдетъ любовный пылъ.

Голмина (улыбаясь). Мы еще не такъ далеко ушли.

Фрау Самуэль. Еврейская жена должна быть еще болѣе женою своему мужу, чѣмъ христіанка. Наши мужья многое переносятъ,

г. Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (ажитировано). Г. докторъ-Бихлеръ! Честь имѣю, г. докторъ! Вы узнали меня?

Бихлеръ. Что за вопросъ?

Вассерштейнъ. Боже мой, человѣка, котораго постигли неудачи, узнаютъ немногіе... Вдругъ всѣ становятся близорукими, — точно распространилась какая-то глазная эпидемія. Меня тоже постигла теперь эпидемія....

Бихлеръ (садясь). Не сядемъ-ли?

Вассерштейнъ. Конечно. (Къ Баби). Вы видите, милое дитя, что я дѣйствительно поздравитель.... (Къ Бихлеру). Она отнеслась ко мнѣ очень подозрительно. (Садится).

Бихлеръ (смѣясь). Я ручаюсь за этого господина.

Баби (застѣнчиво). Я не могла этого знать. (Уходитъ налѣво).

Бихлеръ. Итакъ, мы теперь внизу любезный?

Вассерштейнъ. Внизу? Скажите въ подвальномъ этажѣ. А что подъ подваломъ? Подпочвенная вода? такъ я на самомъ днѣ ея!

Бихлеръ. Все проиграли на биржѣ?

Вассерштейнъ. Я платилъ, пока былъ въ состояніи. Затѣмъ.....

Бихлеръ. Вы перестали играть?

храмъ Шлейзингеръ? Парижское платье.

Гермина. Какъ я могла это замѣтить въ храмѣ?

Шарлотта. О, Боже мой! Ты сентиментальна.

Гермина. Шарлотта!

Шарлотта. Представь себѣ: у Шлейзингеръ такіе рукава! Великолѣпіе.... (Онѣ идутъ въ глубину, садятся у выхода на балконъ).

Рейнбергъ (не похожъ на еврея, держится прямо, съ рыжими кавалерійскими усами, подзываетъ къ себѣ входящаго Якова). Своякъ!

Яковъ. Братъ! (Крѣпкое рукопожатіе).

Рейнбергъ. Между нами слова излишни! Будемъ помогать другъ другу. (Озирается).

Яковъ. Конечно!... Ты ищешь кого?

Рейнбергъ. Моего агента. Ты знаешь Вассерштейна?

Яковъ. Нѣтъ... Ахъ, да, этотъ комикъ! (Смѣется). Онъ былъ здѣсь сейчасъ.

Вассерштейнъ (слѣва изъ глубины, въ одной рукѣ бокалъ шампанскаго, въ другой сандвичъ, онъ набилъ ротъ и жуетъ).

Рейнбергъ (укоризненно). Вассерштейнъ!

Вассершт., (спѣшно подходитъ, говоритъ жуя). 310, 266, 281, 498.

Францъ (слѣва изъ глубины, подходитъ къ Якову и присматривается съ изумленіемъ).

Яковъ. Теперь я буду съ тобою!

Вассерштейнъ. Юъ пятьдесятъ, очень слабо, въ двадцать пять, двадцать три. Заключеніе слабое.

Францъ (недоумѣвая). Что это такое?

Яковъ (пожавъ плечами). Курсовой бюллетень!... Пойдемъ, выкуримъ сигару. (Садится слѣва впереди съ Францемъ; оба закуриваютъ).

Рейнбергъ. Берлинъ?

Вассерштейнъ. 99. 82 семьдесятъ пять, 109, потому что султанъ наколол себѣ ногу.

Рейнбергъ. Эту остроту я знаю.

Вассерштейнъ. Горныя цѣнности ослабѣли.

Рейнбергъ. Парижъ?

Вассерштейнъ. Слабо на Лондонъ.

Рейнбергъ. Что говорятъ?

Вассерштейнъ. Въ Берлинѣ большія угольныя продажи; здѣсь покупаютъ массами. Говорятъ — это Шлейзингеръ.

Рейнбергъ (улыбаясь). Вассерштейнъ, вы оселъ!

Вассерштейнъ. (упавшимъ голосомъ). Почему, г. фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Тотъ нѣкто, что продаетъ въ Берлинѣ и здѣсь покупаетъ — это я.

Вассерштейнъ, (съ болью). Черезъ другого агента, г. фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Потому что знаютъ, что вы работаете для меня.... Но теперь мнѣ выгодно, чтобъ знали о моемъ участіи въ угольныхъ дѣлахъ. Когда я замѣтилъ васъ въ синагогѣ, я хотѣлъ было дать вамъ одно порученіе. Теперь уже поздно.

Вассерш. (жуетъ съ огорченіемъ). Бѣда моя!... Я ушелъ. Кто думаетъ въ храмѣ о дѣлахъ?

Рейнбергъ. Вассерштейнъ, вы....

Вассерш. Оселъ, – я знаю, г. фонъ-Рейнбергъ.... И такъ вы влѣзли въ угольныя предпріятія? Стало быть, правда и то, что вы беретесь за Шромловскія копи.

Рейнбергъ. Кто это говоритъ?

Вассерш. Говорятъ.

Рейнбергъ (раздраженно). „Говорятъ" – ложь!

Вассерш. Васъ также, г. фонъ-Рейнбергъ, раза два видѣли съ г. ротмистромъ дворяниномъ фонъ Шромлъ.

Рейнбергъ (насмѣшливо). Меня? Ну да, я гулялъ съ нимъ... Ротмистръ Шромлъ мой другъ.

Вассерш. (недовѣрчиво). Такъ онъ близкій другъ вамъ, г. фонъ Рейнбергъ?

Рейнбергъ (снисходительно). Любезный мой Вассерштейнъ, ко мнѣ захаживаютъ и сановники:

Вассершт. Идетъ онъ съ вами по улицѣ?

Рейнбергъ. Какъ это? Если я этого желаю... Вы должно быть не знаете, что на моихъ вечерахъ собирается лучшее общество.

Вассершт. Откуда мнѣ это знать? Вѣдь вы меня на нихъ не приглашаете, г. фонъ-Рейнбергъ.

Рейнбергъ (мягко). И такъ, какъ говорится, вы можете вездѣ разсказывать, что въ этомъ ни слова правды. Я не основываю никакихъ угольныхъ предпріятій!

Катя (спѣшно входитъ изъ правыхъ дверей — къ Чермингъ и Шарлоттѣ). Г. Ротмистръ фонъ-Шроммъ!

Яковъ (услыхавъ, встаетъ взволнованный, вполголоса). Какъ? Шроммъ?

Францъ. А что такое?

Рейнбергъ (идетъ къ дверямъ направо съ протянутой впередъ рукою).

Шроммъ (элегантный спортсменъ, въ обыкновенномъ уличномъ костюмѣ, 42 лѣтъ; идетъ съ Рейнбергомъ къ дамамъ, которыя встаютъ; раскланивается).

Вассершт., (про себя). Какъ называется, ни одно слово правды?... И если это неправда, — для чего мнѣ это откладывать?... Теперь мы увидимъ, оселъ-ли Вассерштейнъ... Пойду раньше подкрѣплюсь этими вкусны-

ми бутербродами.... (_Скрывается налѣво съ поклонами, которыхъ никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ_).

Францъ (_тихо_). Ты, вѣроятно, имѣлъ что съ этимъ господиномъ?

Яковъ. Да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пренепріятная исторія.

Рейнбергъ. Вы незнакомы еще съ родителями моей жены?

Шроммъ (_отчетливо_). Не имѣю чести!.. Только фрейлинъ Черміну!... Ахъ, pardon! Мадамъ.... (_Дамамъ, понизивъ тонъ_). Я на минутку, чтобъ поздравить!

Шарлотта. Любезны, какъ всегда!

Шроммъ. Пожалуйста!.... (_Черміне_). Съ вашимъ супругомъ я также не знакомъ.

Черміна (_сдѣлавъ шагъ впередъ_). Жакъ, позволь тебя представить! Мой мужъ — ротмистръ фонъ-Шроммъ.

Шроммъ (_дѣлаетъ два шага впередъ, протянувъ руку, чтобъ подать ее Якову; но узнавъ его, мгновенье колеблется и, опустивъ руку, вѣжливо кланяется_). Очень пріятно!

Яковъ (_также сдѣлавъ два шага къ Шромму на встрѣчу, смотритъ ему прямо въ глаза и наклоняетъ голову_). Очень радъ!

Шроммъ (_про себя_). Это онъ!... (_Воз-_

вращается къ дамамъ). Если вы будете такъ любезны и проводите меня къ своимъ родителямъ....

Шарлотта. Съ большимъ удовольствіемъ!

Рейнбергъ (идетъ озабоченный). Позвольте угостить васъ. (Уходитъ налѣво).

Шроммъ (вмѣстѣ съ Шарлоттой и Черминой уходятъ налѣво).

6е Явленіе.

Яковъ и Францъ.

Яковъ (глядя имъ въ слѣдъ).

Францъ. Ты такъ на него смотришь, что становишься невъ...емымъ.

Яковъ. Если бъ ты зналъ, какъ это и сейчасъ меня волнуетъ, - а, вѣдь прошло пять лѣтъ!

Францъ. Что случилось? Можешь разсказать?

Яковъ. Тебѣ? Все!... Помнишь болѣзнь моего отца, пять лѣтъ тому назадъ?

Францъ. Конечно. Тогда я и полюбилъ тебя, видя твое отношеніе къ отцу, твое бодрствованіе и днемъ и ночью.

Яковъ. Правда, это было. Отъ ночнаго дежурства я сдѣлался разстроеннымъ, нервнымъ. Какъ то мать убѣдила меня выйдти. Я согласился и зашелъ въ городъ въ кафе. Я сѣлъ къ столу одного господина, котораго не замѣтилъ. Лежала газета, - я ее взялъ. Госпо-

динъ этотъ, вѣроятно, уже былъ на меня обозленъ и сердито замѣтилъ: „это моя газета!"... Я взглянулъ на него и отвѣтилъ нервно: „Ну вотъ еще, ваша газета! Теперь она моя"... А онъ мнѣ рѣзкимъ тономъ: „положите!"... Я ему точно такъ назадъ: „Мнѣ этого не угодно сдѣлать!"... Онъ, горячась, говоритъ мнѣ: „Вы не знаете съ кѣмъ вы говорите!"... Я еще выше: „Вы пугаете меня!"... Онъ „Попомните вы это!"... Я: „Какъ вамъ будетъ угодно, милостивый государь!"... Онъ, вскочивъ: „Чертъ — вашъ милостивый государь! Знаете вы, кто я?"... Я насмѣшливо: „Ну, конечно, вы мнѣ это скажите"... Онъ: „Вотъ моя карточка!"... Бросилъ мнѣ карточку, я ему подалъ свою — и ушелъ.

Францъ. Какое глупое столкновеніе!

Яковъ. На карточкѣ стояло: „дворянинъ-фонъ-Шроммъ, ротмистръ." — Я пришелъ домой. Отцу было хуже, мать въ отчаяніи — и стало у меня на душѣ очень тяжело. Теперь мнѣ драться.... Правда прежде много разъ у меня случалось, но такъ — въ пальцы, или въ грудь, до первой крови.... Но теперь я не могъ.... Отецъ былъ при смерти. И когда на другой день ко мнѣ явился секундантъ Шромма.... я.... извинился. (*Закрываетъ себѣ глаза рукою*).

<u>Францъ</u> (<u>тихо</u>). Бѣдняга!

<u>Яковъ.</u> Я тогда этого не разсказалъ тебѣ... изъ стыда. Ты подашь мнѣ свою руку?

<u>Францъ</u> (<u>протестуя</u>). Но!.... (<u>Жметъ ему руку</u>). Изъ за того, за что не дерется ни одинъ серьезный мужчина.... Вся эта исторія одна глупость. Этимъ надо было пренебречь.

<u>Яковъ.</u> Я нѣтъ. Я не могъ, потому что я еврей. Вы, вы можете къ подобнымъ вещамъ относится легче. Если ты, Францъ Бурцлехнеръ, миролюбиво покончишь такую исторію, — ты спокойный и сдержанный человѣкъ. Я, Яковъ Самуэль, — я трусъ.

<u>Францъ.</u> Безуміе!.... Ротмистръ послѣ твоего извиненія не называлъ же тебя трусомъ?

<u>Яковъ</u> (<u>возбужденно вскочивъ</u>). Если бы только онъ осмѣлился!... Правда!... Для него это было не дворянскимъ дѣломъ. (<u>Стиснувъ зубы</u>). Тоже не особенно много чести драться съ жидомъ...... Я встрѣчалъ его потомъ иногда на улицѣ. Я былъ всегда сильно возбужденъ.... Ахъ, если бы онъ замѣтилъ хоть одно мое выраженіе, — я готовъ былъ растерзать его... Правда, онъ былъ корректенъ! Нѣсколько разъ, я пробовалъ подойти къ нему.

<u>Францъ.</u> Фу, задирать!

Яковъ. Онъ вѣжливо обходитъ меня.... Я же не могъ его остановить, какъ сумасшедшій... (Тихо). Видишь, Францъ, есть достойный человѣкъ, который меня презираетъ.

Францъ. Оставь, ты, просто, шутъ!

7е Явленіе.

Прежніе, Тромлицъ съ Шарлоттой, за ними Рейнбергъ, Фрау Гельманъ, Вассерштейнъ и другіе гости, которые въ почтительномъ отдаленіи разглядываютъ ротмистра, потомъ Бихлеръ и Гершина.

Тромлицъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, удалиться, сударыня.... Моя сестра ждетъ меня.

Шарлотта (громко). Графиня Вилькенау?

Тромлицъ. Да.

Вассерштт. (къ нѣкоторымъ изъ гостей, съ удивленіемъ, но тихо). Графиня.... Пссс!

Гости (качаютъ головами съ выраженіемъ удивленія, что это не шуточное дѣло).

Шарлотта. Я хотѣла собственно графиню спросить объ одномъ обстоятельствѣ.

Тромлицъ (вспыхнувъ). Вы хотѣли?... (Тотчасъ съ свѣтской любезностью). Передайте черезъ меня!

Шарлотта. Мнѣ предлагаютъ взять бонну, которая жила у графини. Я беру къ себѣ, конечно, только такихъ людей, которые слу-

жили въ хорошихъ домахъ. Вотъ я и хотѣла узнать, можно ли на нее положиться?

Шроммъ. Я узнаю.

Шарлотта. Вы понимаете, — при дѣтяхъ это такъ важно, когда желаешь дать хорошее воспитаніе.

Шроммъ. Понимаю... (Стучитъ каблуками, наклоняетъ голову въ сторону Шарлотты и идетъ къ двери направо).

Рейнбергъ (вслѣдъ). Вы дѣйствительно уже уходите, любезный ротмистръ?

Шроммъ. Да, любезный. (Жметъ ему руку). Здѣсь слишкомъ много народа.... До свиданія. (Уходитъ).

Вассерш., (который ко всему этому прислушивался). Онъ хотѣлъ сказать: слишкомъ много евреевъ!

Рейнбергъ (строго). Вассерштейнъ, вы, оселъ!.. Достаточно на васъ посмотрѣть, чтобъ сдѣлаться антисемитомъ.

Вассерш., (съ болью). Г. фонъ-Рейнбергъ!

8е Явленіе.

Фридгеймеръ, Фрау Самуэль, Гельманъ, Самуэль, прежніе безъ Шромма.

Гельманъ. Жакъ! Раввинъ желаетъ тебя видѣть.

Яковъ (оставляетъ Франца, идетъ два

шага на встрѣчу Фридгеймеру).

Фридгеймеръ (ведетъ подъ руку фрау Самуэль, изъ лѣвыхъ дверей. Гости составляютъ для его прохода аллею, — онъ кланяется нѣкоторымъ).

Вассерштн., (пробившись впередъ). Имѣю честь, г. равинъ.

Фридгеймеръ (подаетъ Вассерштейну и другимъ руку, направляется въ середину, гдѣ стоитъ Вейнбергъ, къ которому обращается громко). Г. Вейнбергъ, я слыхалъ что биржа слаба.

Вейнбергъ. Паденіе не будетъ продолжительнымъ.

Францъ (который рядомъ съ Бихлеромъ, слѣва, тихо). Невозможно! Равинъ тоже играетъ?

Яковъ (къ Фридгеймеру). Не вѣрю своимъ ушамъ, г. докторъ! Вы интересуетесь биржей?

Фридгеймеръ (спокойно). Не для меня мой молодой другъ, а ради моихъ бѣдныхъ. (Пропускаетъ фрау Самуэль справа занять мѣсто и садится около нея. Другіе собираются постепенно около говорящаго, образуя полукружіе, стоятъ очень тѣсно. Одинъ смотритъ черезъ плечо другаго, всѣ слушаютъ съ благоговѣніемъ. Справа группа, въ которой Вас-

серштейнъ стоитъ, наставивъ руку у уха, чтобъ лучше слышать. Слѣва впереди стоятъ отдѣльно Францъ и Бихлеръ).

Яковъ (стоитъ предъ Фридгеймеромъ).

Фридгеймеръ (съ нѣкоторымъ умиленіемъ). Да, когда дѣла на биржи хороши, я имѣю деньги для моихъ бѣдныхъ. Биржа даетъ.

Вассерштт. Когда она имѣетъ.

Рейнбергъ (приподнявъ голову). Естъ!

Фридгеймеръ. Теперь вотъ опять намъ нужно много денегъ для переселенцевъ, которыхъ шлютъ черезъ океанъ, — для этихъ несчастныхъ!... Да, мои друзья, намъ еще не такъ плохо какъ тѣмъ нашимъ единовѣрцамъ. Мы можемъ хотя оставаться въ нашемъ отечествѣ.

Яковъ. Только не спрашивайте меня, какъ!

Фридгеймеръ. Какъ всегда! Насъ защищаетъ законъ. Правда, на насъ опять косятся, какъ въ старыя времена, когда мы жили въ Гетто. Но, вѣдь, стѣны пали.

Яковъ. Видимые.

Фридгеймеръ. Это новое движеніе имѣетъ также свою хорошую сторону. Съ тѣхъ поръ, какъ появился антисемитизмъ въ нашей странѣ, я снова вижу больше благочестія. Антисемитизмъ ведетъ къ тому, чтобъ мы оставались вѣрными другъ другу, чтобъ мы не от-

рекись отъ Бога нашихъ отцовъ, — какъ нѣкоторые.... (*Выдается впередъ, чтобъ бросить взглядъ на Бихлера*).

Бихлеръ (*къ Францу*). Это относится ко мнѣ. (*Большая часть слушателей смотрятъ на Бихлера съ укоромъ*).

Фридгеймеръ. Нашъ Богъ вывелъ насъ когда-то изъ Египта. И потому, что мы на него уповали, мы сохранили себя и сохранили свои старыя добродѣтели.

Яковъ. И старые пороки.

Фрау Самуэль (*укоризненно*). Яковъ!

Фридгеймеръ. Какъ придатокъ.... Въ Гетто было душно, грязно, но тамъ процвѣтали семейныя добродѣтели. Отецъ былъ патріархомъ. Мать.... (*кладетъ свою руку на руку фрау Самуэль*) жила только для своихъ дѣтей, а эти питали глубочайшую любовь къ своимъ родителямъ. Не осуждайте еврейскую улицу, наше старое Гетто, мой дорогой другъ! Это наша бѣдная родина!

Яковъ. Я не осуждаю! Я говорю только, что мы должны уйти изъ Гетто!

Фридгеймеръ (*вставъ*). А я отвѣчу вамъ: мы не можемъ уйти! Если настоящее Гетто еще существуетъ, мы не должны оставить его безъ позволенія, — подъ страхомъ потерять жизнь. Теперь стѣны и преграды

невидимы, какъ вы говорите. Но и это моральное гетто — свыше предопредѣленное намъ состояніе. Горе тому, кто хочетъ вонъ! (Идетъ).

Фрау Самуэль (кладетъ руки на грудь). Праведный Боже!

Яковъ (провожаетъ Фридгеймера до двери, другіе съ почтеніемъ образуютъ проходъ). Г. докторъ, эти преграды мы должны уничтожить инымъ способомъ, чѣмъ тѣ старыя. Внѣшнія преграды должны быть уничтожены внѣшними средствами, — внутреннія мы должны разрушить сами. Мы сами! Своими усиліями!

Фридгеймеръ (пожимая плечами, спѣшитъ къ выходу, дружески наклоняя голову въ сторону окружающихъ).

Бихлеръ (къ Францу, оставаясь впереди). Ну, что скажите вы, христіанинъ?

Францъ (задумчиво). Это другой міръ!... (Идетъ съ Бихлеромъ въ глубину).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Кабинетъ Якова Самуэля. Главный входъ посрединѣ. Направо и налѣво двери. По стѣнамъ шкапы съ книгами. Направо впереди окно. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ окна большой письменный столъ, на которомъ горитъ лампа.

1е Явленіе.

Яковъ, затѣмъ Францъ.

Яковъ (сидитъ у стола, думаетъ, пишетъ, справляясь съ книгами).

Францъ (входитъ, подавленнымъ голосомъ) Здравствуй, Яковъ!

Яковъ (удивленно). Францъ! (Встаетъ и здоровается). Чего это ты такъ рано?

Францъ (улыбаясь). Оно и не такъ то рано! Десять часовъ.

Яковъ (смотритъ на свои часы). Правда! Я открою... (Идетъ къ окну и, поднявъ занавѣсъ, съ минуту смотритъ за окно). Какъ ярко свѣтитъ солнце!

Францъ (берется за лампу). Потушить?

Яковъ. Пожалуйста.

Францъ (тушитъ). Давно ты всталъ? (Садится).

Яковъ. Въ пять часовъ.... Теперь я каж-

дый день встаю такъ рано.

Францъ. Да? У тебя теперь больше дѣлъ?

Яковъ. Какъ у адвоката, нѣтъ.... Напротивъ, эти дѣла у меня идутъ плохо. (Ходитъ взадъ и впередъ).

Францъ. Дорогой другъ, и я тоже могу въ каждую данную минуту запереть свою канцелярію.

Яковъ (стоя передъ нимъ). Да, но ты холостъ, — тебѣ немного нужно. Тогда какъ мнѣ! Семья приноситъ особыя заботы! Не хочется во всемъ отказывать молодой женѣ — и черезъ полгода всего послѣ свадьбы. Вотъ и дѣлаешь долги.

Францъ. Ну? И они тебя, конечно, гнетутъ?

Яковъ. Порядочно.

Францъ. Послушай, я недавно получилъ маленькое наслѣдство — 3000 гульденовъ. Я могу занять ихъ.

Яковъ. Серьезно? Ты и неподозрѣваешь, какое ты дѣлаешь мнѣ одолженіе! Обращаться къ отцу я не хочу, — изготовленіемъ часовъ онъ зарабатываетъ теперь немного.... Мнѣ нужно было бы обратиться къ моему богатому свояку Фейнбергу, а это....

Францъ (киваетъ). Тебѣ противно!

Яковъ. Онъ очень любезенъ, каждую минуту предлагаетъ мнѣ свои услуги, но я не знаю.... Коротко и ясно — отъ тебя я охот-

нье приму всякое одолженіе.

Францъ. И такъ, рѣшено, — ты получишь деньги ещё сегодня, до обѣда.

Яковъ. Великолѣпно! Однако, послушай, что же это такое: Францъ — заимодавецъ Якова! Знаешь, моя всегдашняя мечта, чтобъ христіане давали евреямъ деньги подъ настоящіе „жидовскіе" проценты.

Францъ (смѣется). Ну, я бы не бралъ такихъ!

Яковъ (тоже смѣется). И я такъ думаю (Пожимаетъ руку). Теперь, дружище, работа пойдетъ впередъ, — разъ голова у меня будетъ свободна отъ этихъ пошлыхъ денежныхъ заботъ.

Францъ (указывая на работу). Что это ты дѣлаешь? Пишешь?

Яковъ. Да, нѣчто большее, Францъ, нѣчто великое!... Ты знаешь, въ послѣднее время я занялся изученіемъ экономическихъ вопросовъ. Многое я узналъ близко и основательно, какъ юристъ-практикъ.... Я прозрѣлъ относительно многаго, что такъ осложняетъ нашу жизнь въ соціальномъ отношеніи. Я пишу о роли капитала.

Францъ (добродушно). Ого-го! Ты не задумалъ ли истребить его?

Яковъ. Не то. Культура связана съ кап

таломъ слишкомъ прочными узами, а прилежаніе, бережливость, духъ изобрѣтательности, инищіатива должны получить свое вознагражденіе. Но только все въ извѣстныхъ границахъ.

Францъ. Такъ. Гдѣ же эта граница?

Яковъ. Ее то я и ищу!

Францъ (смѣясь). Вотъ какъ!

Яковъ. Найти ее возможно. Посмотри сюда, — я основательно изучилъ нѣсколько родовъ промышленности... Моральныя теченія вводятъ зачастую въ новые берега. То, что вчера считалось честнымъ, сегодня можетъ таковымъ не считаться. Вотъ и урегулируемъ это теченіе, выравняемъ берега!... Я хочу тебѣ, моему другу, высказать свои, хотя только наполовину созрѣвшія мысли....

Францъ (вставаетъ). Стой, погоди. Ты не долженъ этого сдѣлать!

Яковъ. Какъ? Почему?

Францъ (смущенно опускаетъ глаза). Потому что мы должны разойтись съ тобою!...

Яковъ. Не понимаю....

Францъ. Я хочу съ тобой разстаться. Я потому и пришелъ къ тебѣ.

Яковъ (сильно волнуясь). Францъ!

Францъ. Мнѣ очень больно, но (твердо) иначе я не могу!

Яковъ. Что случилось?

Францъ. Въ твоемъ положеніи произошла перемѣна. Ты примкнулъ къ другой средѣ, — тебя окружаютъ такія лица.... И твое новое общество, съ которымъ я не могу сойтись... Эти Рейнберги, этотъ Вассерштейнъ и другіе, какъ ихъ тамъ всѣхъ зовутъ.... Не обижайся, другъ, но я ихъ не выношу! Они не въ моемъ духѣ, — а, бывая у тебя, я избѣжать ихъ не могу. Послѣ того какъ ты женился, у тебя-то и дѣло застаешь одного изъ этихъ... Понятно, они у тебя свои люди. Ты въ этомъ не виноватъ, — и всетаки я иногда злюсь на тебя. На тебя! Я сознаю, что это несправедливо и, — видишь ли, — я потому и хочу отречься отъ тебя..... Не такъ — пустыми размолвками, стыдясь и уклоняясь отъ своихъ намѣреній, создавая недоразумѣнія, — а сразу! Въ душѣ я буду расположенъ къ тебѣ по прежнему и въ каждой бѣдѣ отнесусь къ тебѣ также, какъ и ты ко мнѣ, — я это знаю. Но знакомству нашему конецъ! Дай мнѣ свою руку!

Яковъ (подавая ему руку). Спасибо за искренность, Францъ! Ты, конечно, хорошо обдумалъ это прежде, чѣмъ рѣшился причинить мнѣ такое глубокое горе. Благодарю тебя за твою крѣпкую, добрую дружбу въ теченіи столькихъ лѣтъ!.... Я

многому научился у тебя.

Францъ. (съ скрытымъ волненіемъ). Ты смѣешься? Ты у меня?

Яковъ. Да! И не зная этого еще хорошенько, я научился у тебя большому и малому..... Интонаціямъ, выраженіямъ, манерамъ.... Какъ склоняться безъ униженія и возноситься безъ надменности, — и многому, многому другому!

Францъ. Полно! Не такой я образецъ!

Яковъ. Говоря откровенно, я всегда преклонялся предъ твоей семьей, точно такъ, какъ ты, вотъ теперь, презираешь мою семью.

Францъ. Я тебѣ этого не говорилъ!

Яковъ. Посуди. Вы въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій были свободными гражданами, а мы.... (Горько улыбается). Если я отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ еврейскихъ улицъ, то только опираясь на твою руку. О, теперь, конечно, я могу идти дальше одинъ!.... И, — видишь ли, дорогой мой Францъ, — такъ какъ мы въ послѣдній разъ говоримъ съ тобою по душѣ, — я тоже хочу кое-что дать тебѣ на дорогу. Ты сдѣлался адвокатомъ потому, что всѣ Вурцлехнеры всегда были въ Вѣнѣ адвокатами или врачами. Вотъ такъ и Вассерштейнъ, онъ то, чѣмъ были его пред-

ки, т. е. то, чѣмъ его предковъ сдѣлала судьба. Это не его вина. Это не твоя заслуга. Нравственное чувство является позже, а именно – при сознанiи, въ борьбѣ съ инстинктами. А насъ даже не природа сдѣлала тѣмъ, чѣмъ мы есть, а исторiя. Силой вы заставили насъ обратиться къ деньгамъ, а теперь мы должны, такъ, вдругъ, отказаться отъ нихъ?! Сперва вы насъ тысячилѣтiе держали въ рабствѣ, а затѣмъ мы должны въ одинъ день сдѣлаться и духовно свободными?! А кто же у насъ вообще свободенъ духовно? Не тыли?.... Да! Мы не смѣемъ имѣть даже тѣ общечеловѣческiе недостатки, которые есть у каждаго, – иначе мы презрѣнные жиды!

<u>Францъ</u> (<u>съ горечью</u>). Яковъ!

<u>Яковъ.</u> Между нами все кончено, Вурцлехнеръ! И если ты теперь предложишь мнѣ на выборъ, съ кѣмъ мнѣ идти – съ тобою или съ Вассерштейномъ, – то мой выборъ уже сдѣланъ. Я пойду съ Вассерштейномъ, – все равно богатъ онъ или бѣденъ! Я, пойми это, ни въ чемъ не могу его упрекнуть, точно такъ, какъ мнѣ не за что хвалить тебя! Каждый выглядитъ такъ, какъ его поставила исторiя. Но нужно идти дальше! Понимаешь? Дальше, выше!.... И вотъ, тогда только станешь человѣкомъ!

Францъ (потрясенный). Яковъ, вѣрь мнѣ, – я не могу иначе. Если-бъ ты только зналъ все.... Я долженъ сдѣлать политическую – карьеру.....

Яковъ. Вотъ какъ! Антисемитъ? Поздравляю.

Францъ. Будь справедливъ. Пойми и мое положеніе: не могу же я самъ дать въ руки своимъ противникамъ такое оружіе, какъ то, что я близокъ съ евреями, съ ихъ биржевыми дѣльцами! Сейчасъ же скажутъ, что я еврейскій наемникъ.

Яковъ (мягко). И то правда. И ты правъ!

2° Явленіе.

Тѣ-же, Самуэль, жена его (изъ середины).

Фрау Самуэль. Добраго утра!

Яковъ (спѣшитъ ей на встрѣчу). Мăтушка!

Фрау Самуэль. А, г. Францъ!

Францъ. Какъ поживаете, сударыня? Какъ нашъ папаша?

Фрау Самуэль. Слава Богу, хорошо. А вы?

Самуэль. Что значитъ друзья! Оба всегда вмѣстѣ! Какъ это прекрасно!

Фрау Самуэль. Яша, когда говоритъ о васъ, переполненъ сердечнымъ восторгомъ.

Францъ (смущенно). Да, да!... И такъ, – мнѣ уже пора....

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

<u>Фрау Самуэль</u>. Мы помѣшали?

<u>Францъ</u>. Какъ могло это придти вамъ въ голову!

<u>Яковъ</u>. Онъ собирался ужъ уходить.

<u>Францъ</u>. Всего лучшаго! Имѣю честь.... (<u>Направляется къ выходу</u>). Прощай, дружище!

<u>Яковъ</u>. Прощай! (<u>Идетъ за нимъ</u>).

<u>Францъ</u> (<u>тихо</u>). Деньги я тебѣ пришлю сейчасъ же.

<u>Яковъ</u>. Какія деньги?

<u>Францъ</u>. Ну, вотъ, эти 3000 гульденовъ.

<u>Яковъ</u>. Благодарю, я не нуждаюсь въ нихъ.

<u>Францъ</u> (<u>пораженный</u>). Но, вѣдь, ты въ затрудненіи....

<u>Яковъ</u>. Мои затрудненія тебя больше не касаются.

<u>Францъ</u> (<u>съ досадой</u>). Я дуракъ! Я могъ подумать, что ты теперь возьмешь ихъ у меня!... Хотя будь разсудителенъ, — вѣдь это отъ меня!

<u>Яковъ</u> (<u>безмолвно отклоняетъ это жестомъ</u>).

<u>Францъ</u>. И именно сегодня дернула меня нелегкая сказать тебѣ! Успѣлъ бы черезъ недѣлю.

<u>Яковъ</u> (<u>ласково</u>). Нѣтъ тогда было бы поздно... (<u>твердо</u>): потому что для меня ни какое затрудненіе не было бы тягостнѣе

какъ быть твоимъ должникомъ.

Францъ (огорченный). Прощай, Самуэль! (Уходитъ).

Яковъ. Прощай, Вурцлехнеръ!

3е Явленіе.

Яковъ, супруги Самуэль.

Фрау Самуэль (пытливо заглядывая въ лицо сына). Съ тобою случилось что то непріятное?

Яковъ (принужденно весело). Ничего, матушка. Напротивъ, я очень веселъ.

Самуэль. Ахъ, мать, чего ты только не видишь! Посмотри на него сейчасъ.

Фрау Самуэль. Онъ выглядитъ усталымъ. Термина права.

Яковъ (смѣется). Что? Она вамъ на меня нажаловалась?

Фрау Самуэль. Да, ты слишкомъ ужъ много работаешь.

Самуэль. Мы потому и пришли.

Фрау Самуэль. Яша, ты, вѣдь единственное, что у насъ есть на свѣтѣ. Не насилуй такъ себя, дитя мое. Термина говоритъ, что ты много трудишься.... Если ты, не дай Богъ, заболѣешь...

Яковъ (весело). Ахъ она клеветница! Ну, погоди же мнѣ! (Спѣшитъ направо). Термина!

4е Явленіе.

Прежніе, Гермина.

Гермина (справа). Вы здѣсь! Здравствуйте! (Обнимаетъ фрау Самуэль).

Яковъ (скрестивъ руки). Что я узналъ? Ты на меня жалуешься!

Гермина. Да, потому что ты изнуряешь себя работой.... Меня онъ не слушается, поэтому я васъ и призвала на помощь.

Яковъ. Въ этомъ нѣтъ ни слова правды.

Фрау Самуэль. Нѣтъ, нѣтъ, и я нахожу, что ты изнуренъ. Я это замѣтила при входѣ.

Яковъ. Нѣтъ, этому была другая причина.... Лучше я вамъ все скажу и сразу. Францъ простился со мной окончательно!

Самуэль. Куда же онъ ѣдетъ?

Яковъ. Онъ разошелся со мною, потому что я знаюсь съ евреями.

Самуэль. А съ кѣмъ же знаться тебѣ?

Гермина. Какая низость!

Яковъ. Не говори такъ. Обстоятельства часто одолѣваютъ.

Фрау Самуэль. Странно, очень странно, столько лѣтъ онъ былъ въ нашемъ домѣ, — какъ свой!...

Яковъ. Да, видѣлъ ли онъ у насъ и отъ насъ что нибудь дурное?.... Когда онъ ра-

зорвалъ нашу дружбу, мое сердце точно надорвалось и его, можетъ быть, тоже....

Фрау Самуэль. Можетъ быть, - вѣдь, онъ хорошій человѣкъ.

Самуэль. Если въ этомъ нѣтъ ничего больше, то ты перенесешь эту утрату. Поблагодаримъ Бога и за то.

Яковъ. Онъ много значилъ для меня. Въ дѣйствительности больше того, что я ему высказывалъ. Онъ былъ мнѣ не только другомъ, но и „согражданиномъ-христіаниномъ", который такъ близко стоялъ ко мнѣ. Мнѣ это было и дорого, и лестно, - въ насъ, вѣдь, всегда есть что-то такое изъ Гетто.... Мы очень благодарны, если съ нами обращаются какъ съ другими людьми, и я хотѣлъ быть ему благодарнымъ, - я передѣлывалъ себя, слѣдовалъ его привычкамъ, говорилъ его языкомъ, думалъ его мыслями... А онъ оставилъ меня!

Фрау Самуэль. Но, дитя мое, если ты самъ измѣнилъ себя, то не имѣешь права жаловаться, если другіе тебѣ измѣнили.

Яковъ. Ты права, матушка! Права, какъ и всегда!

Самуэль. Еще бы нашъ философъ! Ну теперь идемъ! Часъ уже, какъ я ушелъ изъ магазина.

Гермина. Побудьте еще!

Фрау Самуэль. Намъ нужно, дитя мое. Приказчикъ не долженъ такъ долго оставаться одинъ.

Самуэль. Если онъ позволитъ себѣ что-нибудь дурное, покупатели скажутъ на меня, что я жидъ-обманщикъ.

Фрау Самуэль. Такъ ты обѣщаешь мнѣ, Яша, что не будешь больше переутомлять себя?

Яковъ. Да, матушка. (Цѣлуетъ ее).

Фрау Самуэль. Смотри мнѣ за нимъ.

Гермина (цѣлуетъ ей руку). Будь въ этомъ увѣрена, мамаn, — лишь бы онъ только меня слушался.

Самуэль (кладетъ Герминѣ руку на голову). Слава Богу и за это. (Уходитъ съ женой черезъ среднюю дверь въ сопровожденіи дѣтей, которые возвращаются).

5е Явленіе.

Яковъ, Гермина.

Яковъ (вздыхая). Право, не стоитъ работать! Если онъ могъ разорвать со мной такія узы... (Бросается въ кресло). Не знаю, но мнѣ кажется, что я сталъ бѣднѣе....

Гермина. Все потому, что тебя оставилъ г. докторъ Вурцлехнеръ? (Садится

къ нему).

Яковъ. Видишь ли, я чувствую, что этого я не забуду! Что то тамъ у меня сломалось, — такое, что не можетъ склеиться.... Представь, если бы у человѣка внутри была рана, которая раскрывалась при каждомъ движеніи.... Если-бъ ты не двигался больше, то она можетъ быть и зажила бы, но тогда ты былъ бы мертвъ. (_Маленькая пауза_).

Чермина. Сестра просила, чтобъ я тебя предупредила, — у тебя будетъ Рейнбергъ.

Яковъ. Да?

Чермина. Онъ будетъ къ одинадцати часамъ.

Яковъ. Хорошо.

Чермина. Ты совсѣмъ не ласковъ съ нимъ.

Яковъ (_разсѣянно_). Я? Это тебѣ только такъ кажется.

Чермина. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ всегда старается сблизиться съ тобою, а ты съ нимъ холоденъ.

Яковъ. Можетъ быть. Да, возможно. Но я ничего не имѣю противъ него. Только онъ не моего круга, — совсѣмъ другая атмосфера. Съ этимъ трудно свыкнуться. Друзья, съ которыми я жилъ до сихъ поръ, были совсѣмъ другіе...

Чермина (_слегка насмѣшливо_). Разскажи-ка о своихъ друзьяхъ....

Яковъ. Ты совершенно права.... (_Горько_

<u>смѣется</u>). Они отталкиваютъ меня, знать меня не хотятъ... Этотъ былъ лучшій между ними! И онъ могъ такъ поступить со мною! А! Смѣяться или плакать.... Прочь, жидъ! Назадъ въ Гетто!

<u>Гермина</u>. Сейчасъ, мнѣ кажется, ты преувеличиваешь....

<u>Яковъ</u>. Нѣтъ. Гетто — это та отчужденность, которой я не хочу, которая меня — оскорбляетъ и которую я долженъ сносить.

<u>Гермина</u>. И сноси, будь разсудителенъ.

<u>Яковъ</u>. Ну, да, — все представлялось мнѣ иначе.

<u>Гермина</u>. Если они тамъ не цѣнятъ тебя, то зато у насъ ты имѣешь значеніе. Посмотри, какъ всѣ мои расположены къ тебѣ. Съ какимъ уваженіемъ они отзываются о твоемъ талантѣ, о твоемъ характерѣ. Тебѣ этого недостаточно?

<u>Яковъ</u> (<u>улыбаясь</u>). Такъ бы быть должно.

<u>Гермина</u>. Вейнбергъ сильно разсчитываетъ на тебя, — не будь же рѣзокъ. Ты самъ теперь знаешь, какъ пріятно быть отвергнутымъ.

<u>Яковъ</u>. Смотри, какъ ты умѣешь защищать.

<u>Гермина</u>. И если бы ты чего-нибудь захотѣлъ отъ него....

Яковъ. Я ничего не хочу отъ него.

Гермина. Ахъ, Жакъ, не будь такимъ!... Подумай, какое ты бы могъ доставить мнѣ удовольствіе.

Яковъ. Льстивый ты котенокъ!

Гермина. И если ты къ нему обратишься, чтобъ онъ тебѣ помогъ теперь.....

Яковъ (смущенно). Ты знаешь?

Гермина. Я угадала это, когда ты отказалъ мнѣ въ осеннемъ туалетѣ.

Яковъ. По неволѣ.

Гермина. Скажи ему слово — и у тебя будетъ все, что тебѣ нужно.

Яковъ. И все, что нужно тебѣ.

Гермина. Будь милымъ.

Яковъ. Ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь... (Стучатъ). Войдите!

15е Явленіе.

Яковъ, Гермина, Рейнбергъ, Вассерштейнъ.

Рейнбергъ (входя). Можно?

Гермина. Фрицъ! (Спѣшитъ на встрѣчу).

Вассерштн., (хорошо одѣтый, въ новомъ цилиндрѣ, держится спокойно и увѣренно). Честь имѣю, сударыня.

Гермина (улыбаясь). Смотрите, г. Вассерштейнъ здѣсь.

Вассерштн. Да, я собственной персоной...

(Про себя). Она всегда приводитъ меня въ смущеніе.

Гермина. (тихо, Рейнбергу). Онъ тебя всюду сопровождаетъ?

Рейнбергъ (тихо, улыбаясь). Конечно! Онъ мнѣ нуженъ.

Вассерштъ, (почтительно поклонившись Якову, вполголоса). Она смѣется надо мной, — ваша супруга всегда смѣется надо мной.

Яковъ (улыбаясь, хлопаетъ его по плечу). Ну, что вы тамъ выдумываете?

Вассерштъ. Мнѣ кажется, что я, просто, дѣйствую на ея стихотворные мускулы....

Рейнбергъ (оборачивается къ Якову. Рукопожатіе. Они уходятъ вглубь).

Гермина (садится впереди слѣва).

Вассерштъ, (приближается къ ней).

Яковъ (вполголоса, Рейнбергу). Мнѣ это очень непріятно, а потому я скорѣе скажу тебѣ.

Рейнбергъ. Говори. (Тихо продолжаютъ говорить).

Вассерштъ. Красивый какой на васъ капоръ.

Гермина (смѣется). Вы находите?

Вассерштъ, (про себя). Удивительно, что бы я не сказалъ, она все смѣется.

Рейнбергъ. (вынимаетъ свой бумажникъ). Того, что со мною есть, не хватитъ... (Обо-

рачивается). Г. Вассерштейнъ!

Вассерш. Что, г. Рейнбергъ.

Рейнбергъ. Можете вы занять мнѣ 1 1/2 тысячи гульденовъ?

Вассерш. Могу ли я? (Вынимаетъ изъ кармана жилета комокъ банковыхъ билетовъ, беретъ изъ нихъ нѣсколько и подаетъ ему). Что за вопросъ?

Рейнбергъ. Я возвращу ихъ вамъ черезъ полчаса, г. Вассерштейнъ.

Вассерш. (величественно). Не къ спѣху, г. Рейнбергъ. (Искося поглядываетъ на Гермину, чтобъ узнать впечатлѣніе).

Рейнбергъ. Герминочка, намъ надо поговорить о дѣлахъ.

Гермина (встаетъ). Значитъ, я должна?... (Проходя, тихо Рейнбергу). Жаль, я могла бы немного посмѣяться надъ Вассерштейномъ.

Рейнбергъ (такъ-же). Почтеніе! Онъ въ одну недѣлю заработалъ на углѣ 100 тысячъ гульденовъ.

Гермина. Это тебя импонируетъ? (Идетъ къ Якову, который прячетъ деньги Рейнберга). Жакъ!

Яковъ. Ну?

Рейнбергъ (подходитъ къ Вассерштейну).

Гермина. Не дашь ли ты мнѣ изъ нихъ?

Яковъ (даетъ ей деньги). Вотъ.

Гермина. И ты не сердишься на меня за страсть къ нарядамъ?

Яковъ (улыбаясь). Расточительница!

Гермина. У меня великолѣпная идея на счетъ моего зимняго платья. Шотландское съ краснымъ, — ты дивишься. (Смѣясь, уходитъ направо).

7е Явленiе.

Яковъ, Вассерштейнъ, Рейнбергъ.

Яковъ (вполголоса Рейнбергу). Я надѣюсь, что скоро смогу уплатить тебѣ. Ты дашь мнѣ три мѣсяца?

Рейнбергъ. Милый мой Жакъ, ты мнѣ вообще ихъ и не станешь возвращать.

Яковъ. Ого!

Рейнбергъ. Эти деньги авансъ въ счетъ той суммы, которую ты у меня заработаешь.

Яковъ (подозрительно). Въ качествѣ адвоката?

Рейнбергъ. Да! Зарабатывать и давать зарабатывать! — вотъ мой девизъ. Я хочу жить, тебѣ надо жить...

Вассерштейнъ. Чтобъ мы всѣ жили и были здоровы.

Рейнбергъ. Я объясню тебѣ, въ чемъ дѣло, — ...сотъ.

Яковъ. Я никакихъ гешефтовъ не дѣлаю.

Рейнбергъ. Дашь ты мнѣ договорить? Садись къ своему письменному столу, - кое что тебѣ надо будетъ записать, чтобъ потомъ составить договоръ.

Яковъ (успокоенный). А, договоръ! (Садится).

8е Явленіе.

Прежніе, разсыльный.

Разсыльный (изъ среднихъ дверей). Г. докторъ, васъ желаетъ видѣть какой то человѣкъ.

Яковъ. Кто такой?

Разсыльный. Вэдникъ или Вэндикъ, словакъ.

Яковъ. Не знаю такого. Попросите подождать.

Разсыльный. Хорошо. (Уходитъ).

Яковъ (Рейнбергу). Итакъ къ дѣлу.

Рейнбергъ (по оратворски). Ты, быть можетъ, слыхалъ? - Настала великая угольная эпоха.

Вассерштейнъ. Грандіозная!

Рейнбергъ. Я былъ первымъ, который здѣсь использовалъ ее.

Вассерштейнъ. А я вторымъ.

Рейнбергъ (вѣжливо). Пожалуйста, г. Вассерштейнъ, не прерывайте меня.... (Къ Якову). Еще прежде, чѣмъ кто нибудь по-

думалъ объ угольныхъ операціяхъ, я въ тайнѣ скупилъ массу акцій, при чемъ, черезъ г. Вассерштейна, я приказалъ продавать ихъ съ возможно большимъ шумомъ. Всѣ и попались у меня.

<u>Вассерштн.</u> Только не я.... Что же, оселъ я, г. Рейнбергъ!

<u>Рейнбергъ</u> (<u>съ почтеніемъ</u>). О, нѣтъ, г. Вассерштейнъ! (<u>Къ Якову</u>). Кромѣ того, черезъ Шромма я обезпечилъ себѣ Дубницкую копь.

<u>Яковъ</u> (<u>мучительно задѣтый</u>). Ротмистръ Шроммъ?

<u>Рейнбергъ</u>. Да. Но съ Шроммовской копью особое обстоятельство. Старикъ Шроммъ былъ простымъ Лайбахскимъ мѣщаниномъ и разбогатѣлъ на Дубницкой копи; когда онъ умеръ, ему наслѣдовали двое дѣтей. Сынъ с.. — дворянинъ и дочь замужемъ замужемъ за дворяниномъ. У сына — дорого стоющая скаковая конюшня, а зять, графъ Волькенцу, проигрываетъ въ карты то, что оставляютъ ему балетныя танцовщицы. Такимъ образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ они изъ рудника только то и дѣлали, что брали деньги, а въ него ничего не вкладывали. Плохая администрація, старыя машины, хищническая разработка, — все, что хочешь. Короче, рудникъ запущенъ со-

…о, но онъ приноситъ еще много.

Яковъ. Понимаю! Ты долженъ снова начать дѣло.

Рейнбергъ (удивленно). Я?

Вассеритъ. Какъ онъ пришелъ къ такому выводу?

Рейнбергъ. Я хочу сдѣлать изъ Рубницкой копи акціонерное общество. Минута вполнѣ благопріятная. Всѣ набрасываются теперь на угольныя акціи. Ротшильдъ все былъ бы очень радъ, если бы могъ отдѣлаться отъ своего рудника.

Яковъ. Почему такъ радъ? Ты говоришь, что онъ приноситъ много?

Рейнбергъ. Да, да, — но онъ долженъ будетъ вложить туда много денегъ, если пожелаетъ удержать доходъ. Рудникъ страшно запущенъ! Штука совсѣмъ скверная. Сегодня не примешь мѣръ, завтра тебѣ обойдется это вдвое, а послѣ завтра — вчетверо. Если бы теперь онъ вздумалъ сдѣлать всѣ необходимыя исправленія, то долженъ былъ бы продать свою скаковую конюшню. А у него, кромѣ того, долги. Тоже самое и у Волькенау. Вотъ почему они хотятъ, чтобы я основалъ акціонерное общество для эксплоатаціи этого рудника.

Яковъ. Они къ тебѣ сами обратились?

Рейнбергъ. Конечно, меня знаютъ.

Яковъ. Но причемъ же тутъ я?

Рейнбергъ. Ты выработаешь намъ уставъ этого акціонерскаго предпріятія.

Яковъ. Ротмистръ Шроммъ знаетъ объ этомъ? Ты назвалъ мое имя?

Рейнбергъ. Конечно.

Яковъ. И онъ ничего не возразилъ?

Рейнбергъ. Нѣтъ.

Вассерштъ. А чтожъ бы онъ могъ возразить?

Яковъ. Я думаю то, что такъ какъ я твой родственникъ, то могу больше думать о твоей выгодѣ, чѣмъ о его.

Рейнбергъ. Да, но онъ, вѣдь, все провѣритъ черезъ своего адвоката.

Яковъ. Вѣрно!

Рейнбергъ. Все ясно! Капиталъ — три милліона. Шроммъ, Волькенау и я образуемъ синдикатъ. Каждый получаетъ треть акцій.

Яковъ. Ты также? За что же ты получаешь треть?

Рейнбергъ. За деньги, за хорошія деньги! Я заплачу наличными милліонъ, съ тѣмъ разсчетъ, что получу на него хорошій кушъ.

Яковъ. Отъ чего же зависитъ ихъ цѣнность?

Рейнбергъ. Отъ курса, который установится на биржѣ.

Вассерштъ. Я вамъ это объясню, г. докторъ.

вижу, что на биржѣ вы не у себя дома.

Яковъ (улыбаясь). Нѣтъ.

Вассершт. Замѣчательно! И такъ, слушайте: Рейнбергъ получитъ отъ Шромма и Волькенау за свой трудъ....

Яковъ. За какой это трудъ?

Вассершт. За то, что пуститъ въ ходъ акціи... Вы думаете, это легкая штука?... И такъ, онъ, значитъ, получитъ за свой трудъ — право на полученіе одной трети акцій.

Рейнбергъ. На 2000 штукъ по 500 гульденовъ.

Вассершт. Акціи будутъ введены... Теперь, — слѣдите за мною, г. докторъ, — если акціи поднимутся, Рейнбергъ ихъ принимаетъ, если онѣ падутъ, — Рейнбергъ ихъ не принимаетъ.

Рейнбергъ. Но я долженъ объявиться въ теченіи двухъ недѣль послѣ того, какъ акціи будутъ пущены въ обращеніе. Поднимутся онѣ на 50 гульденовъ, — я заработаю 50 умноженное на 2000.

Вассершт. Другими словами — сто тысячъ гульденовъ.

Рейнбергъ. Упадутъ онѣ на одинъ гульденъ, я не приму ихъ, я ничего не заработаю, но и ничего не потеряю.

Вассершт. Шроммъ сдѣлаетъ хорошій ге-

шефъ.

Рейнбергъ. Моя помощь ничего ему не будетъ стоить. Мой заработокъ падетъ на биржу, и онъ получитъ 3 милліона за Дубницъ, который не стоитъ и двухъ.

Яковъ. Но только тогда, когда акціи будутъ помѣщены на биржѣ?

Вассерштейнъ. Это конечно. Но нынче дерутся изъ за угольныхъ акцій!... Что вы сдѣлали такое лицо, г. докторъ?

Яковъ. Я совсѣмъ не желаю скрывать свое мнѣніе, - я противъ подобныхъ дѣлъ!

Вассерштейнъ. Что значитъ противъ?

Рейнбергъ. А, такъ! Ты врагъ биржи?

Яковъ (спокойно). Нѣтъ, я не врагъ. Я понимаю значеніе этого учрежденія. Биржа доставляетъ государству средства для выполненія его сложныхъ задачъ, - она строитъ дороги, создаетъ благодѣтельныя предпріятія, избытокъ богатыхъ странъ помѣщаетъ въ странахъ бѣдныхъ....

Вассерштейнъ (одушевляясь). Грандіозно! Этого я совсѣмъ не зналъ!

Яковъ (улыбаясь). Да, г. Вассерштейнъ, вы сами не знаете, сколько вы приносите пользы и сколько вреда.

Вассерштейнъ. Какъ же я приношу вредъ, если приношу пользу?

Яковъ. Прежде всего, вы вредите самому себѣ.

Вассерш. Позвольте, я теперь въ выигрышѣ.

Яковъ. Вы меня не понимаете? Вы вредите намъ, евреямъ. Эти большія денежныя перемѣщенія губятъ не только капиталы, но и людей. А жертвы биржи обвиняютъ евреевъ въ постигшей ихъ неудачѣ. Мало кто такъ проницателенъ, чтобы понимать причинную связь вещей. Люди видятъ только людей.... Поэтому я скорблю, когда мои близкіе прикосновенны къ биржевому ажіотажу.

Рейнбергъ (язвительно Вассерштейну). Пойдемте, я ликвидирую свои дѣла... послѣ такой проповѣди.

Яковъ. Я никого не укоряю.

Рейнбергъ. Скажи просто, что ты не хочешь возиться съ моимъ дѣломъ. Я возьму себѣ другого адвоката.

Яковъ. Стой! Этого я не хочу.

Вассерш., (осклабившись, тихо Рейнбергу). Онъ не упуститъ своего заработка.

Яковъ. У меня своя причина, чисто личная, привести твои дѣла съ Штроммомъ въ порядокъ.

Рейнбергъ. Отлично.

Яковъ. Онъ долженъ видѣть, что имѣетъ-

дѣло съ порядочными людьми.

Рейнбергъ. Шроммъ это знаетъ.

Яковъ. Которые не захотятъ обобрать его.

Рейнбергъ. Вѣрно.

Яковъ. И я на этомъ буду твердо стоять!

Рейнбергъ (подаетъ ему руку). Рѣшено.

Вассершт., (смотритъ на часы). Ай, ради Бога!

Рейнбергъ. Что случилось?

Вассершт. Биржевой часъ! Развѣ нѣтъ у насъ другихъ заботъ, кромѣ философствованія? Я иду. Мое призваніе — быть биржевикомъ. Если вы еще хотите остаться, какъ знаете, — я же стою на горячихъ угляхъ, что купилъ.... Прощайте, г. докторъ! (Быстро уходитъ).

Рейнбергъ. Г. Вассерштейнъ, постойте! (Киваетъ Якову и спѣшитъ къ выходу).

9е Явленіе.

Яковъ, разсыльный, Ведникъ.

Яковъ (одинъ). Я буду слѣдить, чтобъ съ Шроммомъ ничего не случилось. (Садится къ письменному столу).

Разсыльный. Пустить этого человѣка?

Яковъ. Ахъ, да! Понятно! Сейчасъ же!

Разсыльный (открываетъ среднюю дверь, дѣлаетъ Веднику знакъ войдти и затѣмъ самъ уходитъ).

Ведникъ (полускальченный работой, смущенный, неувѣренный, вертитъ въ рукахъ шляпу).

Яковъ (ласково). Что вамъ угодно?

Ведникъ. Они прислали меня сюда, наши рабочіе изъ Дубника.

Яковъ (слушаетъ съ возрастающимъ вниманіемъ). Откуда?

Ведникъ. Изъ Дубника — это рудникъ.

Яковъ. Г. фонъ-Шромма?

Ведникъ. Да, сударь!

Яковъ. Садитесь.

Ведникъ. Я Ведникъ — Петръ, прислали меня потому, что я хорошо говорю по-нѣмецки. Намъ плохо, очень плохо, — рѣшили поэтому спросить вѣнскаго присяжнаго адвоката. Назвали васъ, потому что вы защищаете дѣла рабочихъ.... Въ нашей кассѣ только нѣсколько гульденовъ. (Боязливо и осторожно). Что много будетъ стоить?

Яковъ. Моя помощь? Она ничего не стоитъ.

Ведникъ (облегченно). Хорошо, сударь! Намъ уже говорили, что у васъ ничего не стоитъ. Мы и то уже потратились на мое путешествіе... Стоитъ семь гульденовъ — весь недѣльный заработокъ.... Я сказался больнымъ. Часто я болѣю (вызывающе), потому и вѣрятъ, никто не пойдетъ на провѣрку о-

Старый Дубникъ. Управляющій не долженъ знать, что я поѣхалъ, иначе все пропало.

Яковъ. Отъ меня никто объ этомъ не узнаетъ.

Ведникъ. Злой человѣкъ — нашъ управляющій, жестокій съ нами — прежестокій! Изъ за пустяковъ — штрафы, разсчетъ. Голодаютъ послѣ того дѣти, да и взрослые тоже....

Яковъ. Вы жаловались уже г. фонъ Шромму?

Ведникъ (слабо улыбаясь). Не идетъ это.... Баринъ пришлетъ пе-ти-цію обратно управляющему, потому что вѣритъ ему одному, а тогда управляющій становится совсѣмъ дикимъ. Нельзя. Баринъ то добрый, всегда деньги присылаетъ, если случится несчастье. Вотъ и я получилъ тогда 30 гульденовъ, когда сломалъ руку, — при спускѣ оборвался. Баринъ хорошій, нечего говорить, — вотъ управляющій тотъ дурной.

Яковъ. Милый другъ, вы должны представить свое положеніе яснѣе, иначе я не могу посовѣтовать, помочь вамъ, или..... (Вздыхая). Если вообще смогу помочь.

Ведникъ (почесываетъ себѣ голову). Съ чего же начать? Долженъ я встать въ 4 часа утра и 2 часа идти изъ Стараго Дубника до Дубника-рудника. Работа продолжается

отъ 6ти. до 6ти, а иной разъ и дольше. Затѣмъ снова 2 часа въ обратный путь въ Старо-Дубникъ.

Яковъ. И за это вы получаете?

Ведникъ. Гульденъ 12 крейцеровъ въ день. Я вѣдь, рудокопъ. Тачечники получаютъ гораздо меньше. Но мы жалуемся не на плату.

Яковъ. На что же?

Ведникъ. Штрафы ужасные! Сейчасъ вычетъ въ 15—20 крейцеровъ изъ за ничего.... Въ обѣденное время надсмотрщикъ не даетъ намъ четверти часа на ѣду.... Кремензакомъ зовутъ надсмотрщика.... (Встаетъ взволнованно и грозитъ въ окно кулакомъ). Собака презрѣнная!

Яковъ. Печально. Но что же я могу сдѣлать?

Ведникъ. Кремензакъ еще хуже управляющаго..... Кремензакъ насъ страшно торопитъ,—при этомъ скверно ставятся подпорки, такъ какъ мы спѣшимъ, и потому все можетъ обрушиться на головы.

Яковъ. Если я хорошо понимаю васъ, то недостаточно заботятся о безопасности рабочихъ?

Ведникъ. Такъ оно и есть! Не безопасно. Вентиляція плохая. Дерева для подпорокъ мало. Хуже всего Розамунда.

Яковъ. Кто это?

Ведникъ. Это, значитъ, шахта, – она такъ называется. Наше последнее несчастье было тоже въ Розамундѣ. Теперь тамъ немного исправили. Не много. Больше взрывать въ Розамундѣ не рѣшались. (Тише, мрачно). Тамъ можно только кирками работать. А теперь управляющій велитъ снова взрывать. Такъ мы можемъ когда нибудь всѣ тамъ остаться.

Яковъ (подымаясь). Ваша жизнь въ опасности?

Ведникъ (улыбаясь). Каждый день. Мы жаловались управляющему, но онъ показалъ намъ приказъ хозяина: „взрывать"! Но, вѣдь, хозяинъ не знаетъ, что такое Розамунда; онъ, вѣдь, хорошій господинъ, но только никогда не пріѣзжаетъ въ Дубникъ. Теперь управляющій намъ сказалъ, что нужно побольше добывать угля, такъ какъ хозяинъ хочетъ продать Дубникъ.

Яковъ (язвительно смѣясь). О, да! Что-бъ показать сколько онъ приноситъ! (Возбужденно ходитъ взадъ и впередъ). Дальше, дальше!

Ведникъ. Ничего больше. Все ужъ. Если въ Розамундѣ будутъ дѣлать взрывы, мы всѣ можемъ погибнуть. Но забастовать мы не рѣшимся. Идетъ зима. Мы поумирали бы

съ голоду и позамерзали.

Яковъ. Ужасно! Я еще не знаю, что сдѣлаю, но что нибудь да сдѣлаю. Положитесь на меня.

Ведникъ. Я сейчасъ долженъ ѣхать обратно. Что же отвѣтить, сударь?

Яковъ. Когда идетъ поѣздъ?

Ведникъ. Въ семь часовъ вечера.

Яковъ. Ждите меня на вокзалѣ, — я помогу вамъ.

Ведникъ. Да воздастъ вамъ Господь сторицею, сударь! (Хочетъ поцѣловать ему руку).

Яковъ (отстраняясь). Идите и ждите меня. (Ведникъ уходитъ).

10е Явленіе.

Яковъ, Гермина.

Яковъ (послѣ ухода Ведника, выбрасываетъ изъ ящика на столъ деньги Рейнберга и кричитъ направо). Гермина! Гермина! (Когда она не идетъ, онъ бросается къ двери, распахиваетъ ее и кричитъ сильнѣе). Гермина!

Гермина (съ веселымъ видомъ). Какъ! Чего ты хочешь? (Замѣтивъ его возбужденіе). Что съ тобой?

Яковъ (хрипло). Давай сюда деньги!

Гермина. Что ты говоришь?

Яковъ. Деньги твоего зятя! 500 гульденовъ сюда ихъ!

Гермина (со слезами). Что съ тобою, Жакъ?

Яковъ. Живо! Сюда ихъ! Такія деньги не останутся въ моемъ домѣ! Я швырну ихъ ему назадъ! (Начинаетъ сильно кипятиться). Я. Сна! Дашь ты мнѣ эти деньги сію минуту?

Гермина (испуганно достаетъ билеты и, дрожа, подаетъ ихъ).

Яковъ (мягче). Хорошо! (Кладетъ всѣ деньги въ конвертъ и заклеиваетъ его). Разсыльный доставитъ это твоему зятю еще до моего отъѣзда. Я уѣзжаю.

Гермина (еще не придя въ себя). Куда?

Яковъ (съ угрозой протянувъ руку). Въ Дубницъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Маленькій салонъ у Рейнберга. Нѣтъ роскоши въ нѣкоторыхъ. Все скромно, но цѣнно. Настоящіе гобелены, изящная мебель — стиле, не слишкомъ много предметовъ. Нѣсколько мраморныхъ и бронзовыхъ ста-

<u>пюпитръ, на мольбертѣ дорогая картина. Въ глубинѣ зимний садъ. При двери.</u>

<u>1е Явленіе.</u>

<u>Вассерштейнъ, Гермина, Шарлотта</u> <u>(идутъ изъ зимняго сада. Полумракъ).</u>

<u>Вассерш.</u> <u>(чрезвычайно элегантно одѣтый, стоитъ въ дверяхъ и смотритъ назадъ).</u> Я велю сдѣлать и у себя такой точно зимний садъ. Какъ это называютъ? — Пальмы, морхидеи?

<u>Шарлотта.</u> Орхидеи.

<u>Вассерш.</u> Я пришлю сюда своего обойщика, если вы позволите, т-те Рейнбергъ.

<u>Шарлотта.</u> Лучше садовника.

<u>Вассерш.</u> Тоже могу! Но я все предоставилъ обойщику. Я сказалъ ему: устройте мнѣ въ комнатѣ.

<u>Гермина</u> (<u>смѣется</u>). Умѣститесь ли вы въ нихъ?

<u>Вассерш.</u> Я человѣкъ скромный и не хочу устроиться, какъ „паревню". Пусть стоитъ, что стоитъ. Онъ мнѣ составилъ смѣту.

<u>Шарлотта.</u> Много? (<u>Нажимаетъ пуговку, — загорается электричество</u>).

<u>Вассерш.</u> (<u>небрежно</u>). Нѣтъ, 63000 гульденовъ, считая картины и произведенія ис

куста. Мнѣ останется только переѣхать.

Шарлотта. Вы вѣрно хотите жениться, г. Вассерштейнъ?

Вассерш. Какъ это жениться? Если бы я хотѣлъ жениться, я взялъ бы себѣ большую квартиру. Нѣтъ, мадамъ. Эмануилъ Вассерштейнъ не желаетъ больше жениться. (Смотритъ элегически на Гермину). Эмануилъ Вассерштейнъ любилъ разъ и больше любить не будетъ, — никогда! (Садится и закидываетъ ногу на ногу).

Гермина. Какъ это грустно звучитъ.

Вассерш., (печально). Да, такъ оно и есть. Что мнѣ теперь съ того, что мнѣ везетъ? Я могу только одно — окружать себя удобствами. А зачѣмъ? Неудачникъ я, вотъ что!

2е Явленіе

Прежніе, слуга, затѣмъ Бихлеръ.

Слуга (входитъ справа, — на немъ черный фракъ, бѣлый галстухъ). Докторъ Бихлеръ здѣсь.

Шарлотта. Просите. А затѣмъ подайте чай.

Слуга (исчезаетъ на минуту, затѣмъ возвращается вслѣдъ за Бихлеромъ, запираетъ зимній садъ и, наконецъ, приноситъ чай).

Вассерш. Я тоже хочу его инсультировать.

Гермина. Кон.......!

Вассерштъ. Какъ, какъ?

Термина. Консультировать.

Вассерштъ. Пусть будетъ консультировать.

Бихлеръ (входя съ газетой въ рукахъ, коротко поклонился). Съ дѣтьми ничего. Кто же боленъ?

Шарлотта. Я.... (Приглашаетъ его знакомъ сѣсть). Но теперь мнѣ лучше.

Бихлеръ (ворча). Съ тѣхъ поръ, какъ вы за мной послали? Всегда такъ. (Садится).

Шарлотта. Да, у меня была мигрень... Теперь прошло.

Бихлеръ. Ну, пускай! Все же я прихожу охотнѣе къ здоровымъ.

Вассерштъ, (онъ продолжаетъ сидѣть). Вотъ это мнѣ нравится! Вотъ это докторъ! Г. докторъ, вы должны сдѣлаться и моимъ домашнимъ врачемъ.

Бихлеръ (смотритъ на него поверхъ очковъ). А!

Вассерштъ. Въ самомъ дѣлѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ мои дѣла идутъ хорошо, мнѣ зачастую бываетъ не по себѣ; мнѣ каждую минуту чего нибудь не достаетъ.

Бихлеръ (съ насмѣшливой покорностью) Прошу распоряжаться мною. (Къ Термина). Вашъ мужъ уже возвратился?

Термина. Изъ Дубница? Да. Еще позавчера,

— и такой разстроенный!

Бихлеръ. Понятно. Это было ужасно.

Шарлотта. Вы говорите о несчастіи въ шахтѣ?

Бихлеръ. Я видѣлъ много горя и мишенты, болѣзней и страданій (указывая на газету), но когда я читаю это меня морозъ подираетъ по кожѣ.

Вассеритъ. У васъ вечерній номеръ? (Беретъ газету у него изъ рукъ и заглядываетъ въ нее). Твердо! Благодарю. (Возвращаетъ ее).

Бихлеръ. Идучи къ вамъ, я прочелъ корреспонденцію оттуда.

Шарлотта. Что нибудь новое?

Бихлеръ. Нѣтъ, — все факты, которые извѣстны уже цѣлую недѣлю. Тутъ только больше подробностей. Корреспондентъ говорилъ въ госпиталѣ съ тяжело раненымъ. (Читаетъ изъ газеты). Показаніе Петра Ведника: „Прошло съ полчаса, какъ мы спустились и работали въ лѣвой верхней галлерееѣ Розамунды. Я разговаривалъ съ ближайшими сосѣдями — рабочими. Мы не знали, что внизу будутъ взрывать пластъ. Вдругъ слышимъ взрывъ. Мы всѣ бросаемъ инструменты и бѣжимъ къ выходу изъ шахты. За мною нѣкоторые, — всѣ спотк-

каются. Когда мы добрались до перекрёстка, туда уже бѣжали со всѣхъ сторонъ. „Нижняя партія погибла!“ кричатъ они. Тамъ мой сынъ.... Я пытаюсь проникнуть къ нему.... Тогда они кричатъ: „Вода идетъ!“ Они хотятъ удержать меня, но я вырываюсь и бѣгу. Но едва я достигаю перилъ, все обрушивается.... Меня достали изъ подъ обломковъ дерева и вытащили на верхъ!“... Далѣе — описаніе его увѣчій. (Пауза).

Чермина. Бѣдняга!

Вассершт., (тихо, взволнованно). Это разрываетъ мнѣ сердце.

Бихлеръ. Примѣчаніе: „телеграммой сообщено, что и Петръ Ведникъ умеръ отъ полученныхъ раненій.“ (Складываетъ газету).

Чермина (вытирая слезы). Мужъ уже разсказывалъ мнѣ это. Рабочій этотъ былъ у него шесть недѣль тому назадъ. Тогда Жакъ ѣздилъ первый разъ въ Дубницъ, чтобъ — устроить дѣла рабочихъ.

Бихлеръ. Да, говорили, что онъ убѣждалъ ихъ пріостановить работы.

Вассершт., (взволнованно). Извините, забастовка состоялась тогда, когда докторъ Самуэль былъ уже здѣсь.

Бихлеръ. Откуда вы это знаете?

Вассершт. Стачка состоялась тогда, ког-

да уже Дубицкія розамундскія акціи были введены на биржу.

Бихлеръ. Да, но черезъ три недѣли рабочіе изголодались и должны были снова выйдти на работу. Но во время ихъ отсутствія работала и рыла землю вода.... И когда они вернулись....

Вассерштп. Я совсѣмъ размякъ. Кто же во всемъ этомъ виноватъ?

Бихлеръ (встаетъ, строго). Вотъ въ этомъ и вопросъ!

Шарлотта. Вы, вѣдь, выпьете съ нами чашку чаю? (Подаетъ ему чашку).

Бихлеръ. Благодарю. Я спѣшу. (Черминѣ). Поклонитесь отъ меня вашему мужу. (Кланяется).

Вассерштп. Храни васъ Богъ, г. докторъ!

Бихлеръ (уходитъ).

3е Явленіе.

Шарлотта, Чермина и Вассерштейнъ у чайнаго стола, позже слуга.

Чермина. Послѣ этой катастрофы Жакъ не можетъ успокоиться. День и ночь онъ ни о чемъ другомъ не думаетъ и не говоритъ.

Шарлотта. Твой мужъ сумасбродный человѣкъ, - при Вассерштейнѣ объ этомъ, вѣдь, можно говорить.

Вассеринг. Пожалуйста, при мнѣ вы можете все говорить. (Прихлебываетъ чай).

Термина. Ты называешь это сумасбродствомъ, если человѣкъ сердечно относится къ бѣднымъ?

Вассеринг. Говорю вамъ, что и меня это несчастіе въ шахтѣ затронуло сильнѣйшимъ образомъ. Я былъ такъ потрясенъ имъ, что отправился на биржу и продалъ всѣ свои угольныя акціи. Я не хотѣлъ больше знать объ углѣ, — разъ при немъ гибнутъ люди! И случаю было угодно, чтобъ сердце вѣрно подсказало мнѣ, какъ дѣйствовать. Я продалъ по самому высокому курсу. Потомъ они упали. А! думаю я, вотъ оно какъ! И я повелъ тогда контръ-мину — и продавалъ, продавалъ... И это было хорошо! Это было очень хорошо! Я возьму еще пирожокъ съ печенкой.

Слуга (слѣва). Ротмистръ Шромъ.

Шарлотта. Просите.

Слуга. Онъ говоритъ, что не къ вамъ, а къ барину.

Шарлотта (съ досадой). Барина дома нѣтъ.

Слуга. Я ему это говорилъ. Но онъ закричалъ на меня, чтобъ я хорошенько поискалъ — и если барина нѣтъ дома, то г. ротмистръ зайдетъ черезъ часъ.

Шарлотта (пожимая плечами). Хорошо.

Слуга (уходитъ).

Вассерйтъ, (почесывая голову). Крыю! Это будетъ непріятно Рейнбергу.

Шарлотта. Почему?

Вассеритъ. Вы не знаете?

Шарлотта. Мой мужъ никогда не говоритъ со мною о дѣлахъ. Что же случилось съ Шроммомъ?

Вассеритъ. Ротмистръ разоренъ.

Шарлотта. Неужели?

Гермина. Благодаря несчастью въ шахтѣ?

Вассеритъ, (жуя). Собственно не потому, но это въ связи. Шроммъ и его шуринъ нуждались въ деньгахъ. И вотъ, когда были выпущены акціи на Розамунду....

Шарлотта. Они ихъ продали?

Вассеритъ. Нѣтъ, было условлено, чтобъ они не сейчасъ ихъ продали, чтобъ не подавить курса, а потому они и заложили свои акціи въ одномъ банкѣ.

Гермина. Что это значитъ?

Вассеритъ. Они взяли подъ обезпеченіе этихъ акцій деньги, - въ объемѣ четверть милліона, - и расплатились съ долгами. Вдругъ начинается стачка. На Розамундовскія не найдешь покупателя. Но курсъ всетаки держался. Мы держали его - Рейнбергъ и я. И вдругъ это несчастье въ шахтѣ! Я отсту-

тилъ и, кажется, Рейнбергъ тоже. Акціи шлепнулись. Банковскій долгъ больше не покрывался биржевой стоимостью акцій — и Шромма пригласили возвратить ссуду, иначе оставленныя въ залогъ акціи будутъ проданы. Заплатить онъ не могъ — и акціи были проданы на биржѣ за безцѣнницу. И теперь у него нѣтъ ни акцій, ни рудника.

Шарлотта. Какое горе!

Вассерштейнъ. Что мнѣ до этого? Я попрошу еще ложку икры.

Гермина. Знаетъ мой мужъ обо всемъ этомъ?

Вассерштейнъ. Отчего бы ему и не знать? Каждый знаетъ.

4е Явленіе.

Прежніе, Яковъ, Фридгеймеръ.

Яковъ (слѣва). Идите же, г. докторъ! Мы не нуждаемся въ докладѣ.

Шарлотта. А, г. докторъ! (Идетъ на встрѣчу Фридгеймеру). Рѣдкій гость! (Всѣ встали).

Фридгеймеръ (пожимаетъ ей руку).

Вассерштейнъ. Честь имѣю, г. докторъ!

Фридгеймеръ (киваетъ ему, затѣмъ обращается къ Шарлоттѣ). Г. Рейнберга нѣтъ?

Шарлотта. Онъ еще не возвращался домой.

Вассерит. Онъ вѣрно въ клубѣ. Не телефонировать ли мнѣ ему?

Яковъ. Пожалуйста.

Шарлотта. Сейчасъ передастъ человѣкъ.

Яковъ (тихо Шарлоттѣ). Пусть ужъ самъ Вассерштейнъ. Вообще намъ хотѣлось бы остаться одними.

Вассерит. Телефонировать мнѣ?

Шарлотта. Попрошу васъ.

Вассерит. Лечу. (Уходитъ направо).

Гермина (нѣжно). Жакъ, ты и не поцѣловалъ меня.

Яковъ (цѣлуетъ ее въ лобъ). Прости, мое сокровище.

Гермина. Случилось что-то важное, - я вижу это по тебѣ.

Яковъ. Будьте добры, останьтесь тамъ съ Вассерштейномъ, или уйдите его.

Шарлотта. Этого нельзя. Фрицъ вызвалъ его сюда.

Гермина (тихо мужу). Я боюсь, - съ тобой случилось какая-нибудь непріятность?

Яковъ (также). Будь совершенно покойна. Со мною лично ничего. Даю тебѣ слово.

Вассерит., (возвращаясь). Я телефонировалъ. Онъ будетъ сейчасъ.

Шарлотта. Благодарю. Не хотите ли вы выкурить сигару?

Вассеринг. Я буду курить — не буду курить, какъ вы пожелаете.

Шарлотта. Такъ пойдемте туда.

Вассеринг. Въ зимний садъ? О, пожалуйста! (Уходитъ съ Шарлоттой въ среднюю дверь).

Яковъ (Гермине). Иди и ты, дитя мое! (Ведетъ ее до стеклянной двери, которую закрываетъ за нею).

Фридгеймеръ (садится впереди сльва). Значитъ дѣйствительно все это было такъ ужасно?

Яковъ (возвращаясь, безъ декламацiи). Ни описать, ни разсказать! Я прiѣхалъ въ Дубницъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда стали вытаскивать трупы. У спуска въ Розамундовскую шахту толпились женщины; онѣ кричали, стонали, визжали отъ овладѣвшаго ими отчаянiя. Нѣкоторыя были совсѣмъ нѣмы. На этихъ я ужъ и смотрѣть не могъ... Ахъ, эти ужасныя, душу раздирающiя картины все еще передъ моими глазами!... Все черно. Угольная пыль все погружаетъ въ трауръ. Лохмотья, которыя висятъ на нихъ, почернѣли отъ угля, а рѣзкiй осеннiй вѣтеръ дуетъ сквозь эти тряпки и ледяная дрожь пробѣгаетъ по исхудалымъ членамъ... Даже небо какое то мутное, темносѣрое. А вот

у нихъ! Больно смотрѣть на нихъ: крошки съ серьезными старческими лицами!... И мнѣ казалось, что они, эти дѣти, съ ужасомъ смотрѣли въ черную пасть, которая поглотитъ когда нибудь и ихъ. Они спустятся туда, также какъ ихъ отцы, которыхъ вытаскиваютъ теперь на поверхность.... Тамъ внизу, подъ землею, еще полудѣтьми они будутъ возить желѣзныя тачки за 45 крейцеровъ въ день, а позже, уже рудокопами, сидѣть на корточкахъ, карабкаться по темнымъ дырамъ и отбивать надъ собою уголь при чемъ достаточно малѣйшей неосторожности съ лампочкой, чтобъ сгорѣть въ мгновенье ока.... На этотъ разъ пришла вода.... Сколько труповъ!... (Закрываетъ глаза руками). И завтра они снова спустятся въ мракъ, подъ землю. Они должны! Иначе умрутъ съ голоду тамъ на верху, на свѣтломъ просторѣ.

Фридгеймеръ. Мой юный другъ! Никто не страдаетъ больше, чѣмъ можетъ чувствовать. Это мудро устроено Богомъ. Кто ходитъ босой, у того на подошвѣ толстая кожа.

Яковъ. И это все утѣшеніе!

Фридгеймеръ. Бѣдности и нужды теперь не больше, чѣмъ было прежде. Напротивъ

даже; становится лучше.

Яковъ (садится). Стало быть, — смотрѣть, ничего не дѣлать и предоставить вещамъ естественный ходъ?

Фридгеймеръ. Терпѣніе! То, что вы намѣрены сдѣлать за счетъ Рейнберга, я одобряю. Я потому и пришелъ сюда съ вами. Но здѣсь и кончается наша съ вами задача.

Яковъ. А я говорю, что здѣсь она только начинается!

Фридгеймеръ. Безуміе! Будьте рады, когда не затрагиваютъ васъ! Вы хотите принять участіе въ чужихъ вамъ людяхъ? А кто-же, мой юный другъ, еще другой принимаетъ участіе?

Яковъ. Я не хочу объ этомъ и раздумывать!

Фридгеймеръ. По какому праву вы вступаетесь за интересы горнорабочихъ.

Яковъ. Я адвокатъ!

Фридгеймеръ. Позвольте вамъ разсказать одну исторію. Я нашелъ ее въ одной старой еврейской хроникѣ раввина Іошуа изъ Шпейера. Онъ писалъ свою хронику послѣ одного изъ многочисленныхъ изгнаній евреевъ изъ Рейнскихъ земель, вѣроятно гдѣ нибудь во время бѣгства. Раввинъ Іошуа

пишетъ: въ мѣсяцѣ Абъ 5143 года, – XIV вѣка по христіанскому лѣтоисчисленію, – въ Майнцѣ появились признаки предстоящихъ еврейскихъ гоненій? Особеннымъ случаемъ былъ случай съ юношей Моисеемъ бенъ Абрагамомъ. Моисей былъ хорошій юноша; сынъ одного торговца, онъ собирался сдѣлаться ученымъ. Такъ, въ одну лѣтнюю ночь, сидѣлъ онъ надъ старинными книгами нашихъ мудрецовъ и изучалъ ихъ. Вдругъ въ ночной тиши онъ услыхалъ вопли. Онъ высунулся въ окно. Крики раздавались не въ Гетто. Кто то звалъ на помощь извнѣ, передъ Гетто. Вопли становились все ужаснѣе; сердце его сжалось, – онъ всталъ и вышелъ. Когда онъ проходилъ черезъ комнату, проснулась его мать: „куда ты идешь, дитя мое, такъ поздно ночью?“ – „Матушка, я слышу кто-то молитъ о помощи!“ – и онъ исчезъ въ ночномъ мракѣ. Такъ какъ онъ не возвращался, а мать терзалъ страхъ, то она тоже встала и вышла изъ дому, чтобъ отыскать его. Она также не возвращалась. На другое утро Моисея нашли заколотымъ у раскрытыхъ воротъ Гетто, а у трупа его сидѣла, радостно улыбаясь, его мать.... Она сошла съ ума... Ну, что вы скажите объ этой исторіи?

<u>Яковъ.</u> А то, что преклоняюсь предъ этимъ

Моисеемъ изъ Майнца и горжусь имъ! И такъ долженъ поступить каждый изъ насъ!. Крикъ о помощи когда нибудь можетъ быть и дѣйствительнымъ.

Фридгеймеръ. Но мы слишкомъ слабы.

Яковъ. Когда великодушенъ сильный, - гдѣ же заслуга? Но если слабый, - вотъ это достойно похвалы!

Фридгеймеръ (пожимаетъ плечами, разводитъ руками и снова опускаетъ ихъ).

5е Явленіе.

Тѣже и Рейнбергъ.

Рейнбергъ (входитъ изъ лѣвыхъ дверей и направляется къ Фридгеймеру). Только что узналъ, что вы у меня. (Пожимаетъ ему руку. Небрежно кланяется Якову). Гдѣ Вассерштейнъ?

Яковъ. Тамъ.

Рейнбергъ (спѣшитъ къ стеклянной двери)

Яковъ. Мнѣ нужно поговорить съ тобою, а не Вассерштейну.

Рейнбергъ. Тебѣ?... Дай мнѣ съ нимъ только поздороваться! (На половину открываетъ дверь, заискивающимъ тономъ). Добрый вечеръ, Вассерштейнъ!

Вассерштейн. Добрый вечеръ, Рейнбергъ!

Рейнбергъ. Вамъ отъ меня ничего не нужно?

Вассеришт. Ничего, я только телефонировалъ.

Рейнбергъ (льстиво). Ну для чего вы сами утруждали себя?

Яковъ (сухо). Затвори двери.

Рейнбергъ (дѣлаетъ это и идетъ къ сидящимъ). И такъ, что доставило мнѣ честь?

Фридгеймеръ (вполголоса). Мы должны поговорить съ вами объ очень серьезномъ дѣлѣ.

Рейнбергъ. Мы. Оба?

Яковъ. Да, именно. И я скажу тебѣ это въ двухъ словахъ. (Тихо, убѣдительно). Ты разорилъ ротмистра Шромма – ты же и долженъ исправить бѣду.

Рейнбергъ (также тихо). Я его разорилъ? (Съ нервнымъ смѣхомъ). Ты сошелъ съ ума! Онъ самъ разорился! (Увлекаетъ Якова на нѣсколько шаговъ отъ Фридгеймера и шепчетъ ему на ухо). Онъ и меня разоритъ вмѣстѣ съ собою.

Яковъ (озадаченно). Что?

Рейнбергъ. Я въ отчаянномъ положеніи, но это строжайшая тайна. (Испуганно озираясь). Меньше всего долженъ знать объ этомъ Вассерштейнъ, а то завтра же разскажетъ на биржѣ и тогда я погибъ.

Яковъ. Что же случилось?

Рейнбергъ. Я какъ въ тискахъ. Я долженъ

расплатиться Дубницкими розамундовскими акціями, — которыя запродалъ на срокъ, — но я нигдѣ не могу ихъ найти. Акціи внезапно вышли изъ обращенія. У меня петля на шеѣ и, если онъ захочетъ, то затянетъ ее.

Яковъ. Онъ? Кто?

Рейнбергъ. Этого я не знаю. Страшно! Человѣкъ, котораго я не вижу, можетъ сдѣлать со мною все, что ему угодно. Онъ можетъ назначить мнѣ цѣну по усмотрѣнію. Если бъ я зналъ, кто это, — я могъ бы пойти къ нему и предложить половину моего состоянія. Онъ можетъ потребовать все до послѣдняго гвоздя въ стѣнѣ, и я долженъ буду отдать и еще радоваться, если онъ не удалитъ меня съ биржи.

Яковъ (серьезно). Это тебѣ возмездіе.

Фридгеймеръ. Ну что же, нужна вамъ моя поддержка или вы уже убѣдили г. Рейнберга?

Яковъ. Это было невозможно!

Фридгеймеръ (Рейнбергу). Повѣрьте вашему свояку! Онъ просилъ меня сопровождать его, полагая, что мои слова имѣютъ для васъ значеніе.

Рейнбергъ (смѣшавшись). Конечно, конечно!

Фридгеймеръ. По понятіямъ биржи, вы

навѣрно не обманули ротмистра. Если бы онъ былъ такой дѣлецъ, какъ и вы, то не имѣлъ бы права жаловаться. Но вы сильнѣе его въ биржевыхъ операціяхъ. Отсюда и обязанность ваша не допускать его до потерь.

Рейнбергъ. Съ чего вы это взяли? По отношенію къ нему у меня нѣтъ рѣшительно никакихъ обязанностей! Это только такъ думаетъ мой своякъ, берущій Шромма подъ свою защиту, — не знаю почему.

Фридгеймеръ. Потому что онъ справедливо предполагаетъ, что изъ за этого случая подымется возмущеніе противъ насъ, евреевъ. Это и мое мнѣніе. Вотъ почему я стою здѣсь и прошу: помогите Шромму оправиться!

Рейнбергъ. Вы ошибаетесь! Шроммъ не заслуживаетъ помощи. Онъ поступилъ ужасно — и глупо, и легкомысленно! (Топаетъ ногой). Почему онъ покойно не удержалъ акцій въ своемъ сундукѣ? Зачѣмъ онъ ихъ заложилъ? Я уже не говорю о томъ, что безпутное хозяйство на его рудникѣ было причиной всего несчастья!... Получить три миліона за рудникъ, что не стоитъ и двухъ, — это было ему по нраву! А теперь, когда онъ своимъ легкомысліемъ разорилъ себя

и другихъ, теперь онъ жалуется!... Спросите Вассерштейна, я ли лишилъ ротмистра его состоянія? Это было случайность, (*быстро*) — несчастная случайность! (*Спѣшитъ къ двери и зоветъ*). Вассерштейнъ!

Вассерш., (*за дверьми*). Рейнбергъ! (*Входитъ*). Что вамъ угодно?

Рейнбергъ. Вы должны сказать, употребилъ ли я какой нибудь биржевой маневръ, чтобъ разорить Шромма?

Вассерш. Какъ такъ маневръ? Вы продали, когда былъ интересъ продать. Я, ты, онъ, мы, вы, они — всѣ продавали. Дурной товаръ продаютъ. Розамунды сдѣлались плохими, ихъ и продавали. Гдѣ же здѣсь маневръ? Если не продавать плохихъ бумагъ, тогда и дѣло прекращается. Я тоже продавалъ.

Гермина и Шарлотта (*опять вошли чрезъ среднюю дверь*).

Рейнбергъ. Вы уже покрылись, Вассерштейнъ?

Вассерш. Давно уже. А вы, Рейнбергъ?

Рейнбергъ (*съ трудомъ принимая непринужденный видъ*). Я тоже. Конечно!

Вассерш. Что намъ за дѣло до ротмистра? Развѣ знаю я ротмистра? Развѣ мы знаемъ ротмистра?

6е Явленіе

Тѣ же, слуга, позже Штроммъ.

Слуга (входя слѣва). Г. ротмистръ фонъ-Штроммъ!

Рейнбергъ (быстро). Меня нѣтъ дома.

Слуга. Онъ справился внизу у швейцара.

Рейнбергъ. Я не принимаю.

Яковъ (тихо Рейнбергу). Ты не сможешь все равно уклониться отъ объясненій..... А потому раньше или позже....

Рейнбергъ (громко). Я не въ такомъ настроеніи, чтобъ разговаривать о дѣлахъ.... У меня голова болитъ... Поговори съ нимъ ты.

Яковъ. Я?

Рейнбергъ. Или кто нибудь.... Дѣлайте, что хотите! Меня здѣсь нѣтъ! (Уходитъ направо).

Яковъ (слугѣ). Просите этого господина.

Вассерштъ. (удерживаетъ слугу за руку). Вы.... вы сильный человѣкъ... Если вы услышите громкій разговоръ, войдите сюда и.... (Дѣлаетъ жестъ, какъ бы выбрасывая кого нибудь).

Слуга. Слушаюсь! (Уходитъ).

Вассерштъ. (тихо Шарлоттѣ). Гдѣ колокольчикъ?

Шарлотта (испуганно указываетъ).

Вотъ.... На что?

Вассерш., (*пожимая плечами*). Все можетъ быть.

Чермина. Намъ бы лучше уйдти. (*Идетъ вправо*).

Штроммъ (*врывается слѣва съ шляпой на головѣ, - при видѣ дамъ останавливается - какъ вкопанный, снимаетъ шляпу и натянуто, едва кланяется*).

Шарлотта (*принужденно улыбаясь*). Здравствуйте, г. фонъ-Штроммъ.

Штроммъ (*размѣренно повторяетъ поклонъ, затѣмъ обращается къ Якову*). Гдѣ г. Рейнбергъ?

Шарлотта. Мой мужъ будетъ очень сожалѣть, - онъ, къ несчастью, долженъ былъ сейчасъ уѣхать.

Яковъ (*холодно*). Я освѣдомленъ обо всемъ. Я могу вамъ за него отвѣтить на всѣ вопросы.

Штроммъ (*пристально глядя на него*). Вы?

Шарлотта. Вы хотите [illegible] о дѣлахъ, господа? Пойдемъ [illegible] будемъ мѣшать. До свиданія, г. [illegible] (*Уходитъ съ Черминой направо*).

1е Явленіе.

Яковъ, Штроммъ, Фридгеймеръ, Вассер-

штейнъ.

Шроммъ (кланяется какъ и прежде, ждетъ пока уйдутъ дамы, затѣмъ обращается къ Якову). Вы освѣдомлены на счетъ обмана?...

Яковъ (спокойно). Совѣтую вамъ не употреблять такихъ выраженій....

Шроммъ (вызывающе). Въ противномъ случаѣ?....

Яковъ. Я вынужденъ буду, къ моему сожалѣнію, прекратить разговоръ съ вами. А я желаю довести дѣло до конца, чтобъ выяснить его положеніе.

Шроммъ. Что же тутъ выяснять?

Яковъ. Во-1-хъ, то, что нѣтъ обмана.

Шроммъ. Это говорите вы!

Вассершт. Это долженъ сказать всякій!

Шроммъ (смѣривъ Вассерштейна съ головы до ногъ). Кто это?

Вассершт., (вѣжливо). Моя фамилія — Вассерштейнъ.

Шроммъ (повернулся къ нему спиной, Якову). Меня лишили моего имущества. Вы, конечно, постараетесь убѣдить меня, что дѣло чисто?

Яковъ. Да постараюсь.

Шроммъ. Адвокаты все могутъ!

Яковъ (сдерживаясь). Г. ротмистръ, будемте спокойны.... Это была роковая случайность.

Въ продажѣ вашихъ акцій за безцѣнокъ — Рейнбергъ не виноватъ.

Вассерштъ. Зачѣмъ вы заложили акціи?

Шроммъ (загремѣвъ на него). Молчать!

Вассерштъ, (обиженно). Сдѣлайте одолженіе. (Отходитъ).

Яковъ. Если бы вы оставили акціи у себя, вы могли бы переждать панику, которая наступила послѣ катастрофы на вашемъ рудникѣ. Сегодня, напр. акціи стоятъ гораздо выше.

Шроммъ (яростно смѣясь). Да, конечно, теперь, когда шутка сыграна! Теперь, когда я обокраденъ!

Фридгеймеръ (вполголоса Якову). Только не волнуйтесь, не волнуйтесь.

Яковъ Нѣтъ..... (Шромму). Я рѣшилъ выяснить вамъ дѣло — и доведу это до конца: Вы потеряли свое состояніе, но виноваты въ этомъ вы сами, никто другой. Ваша вина двоякая. Во первыхъ, залогъ акцій, — въ этомъ случаѣ съ вами „сыграло шутку" ваше непониманіе биржевыхъ дѣлъ. Я въ отчаяніи отъ этого! Г. равинъ Фридгеймеръ можетъ это засвидѣтельствовать.

Шроммъ. Ахъ, что такое равинъ!

Яковъ. Но есть еще большая вина ваша, за которую вы и не заслуживаете сожалѣнія!...

Шроммъ. Я далъ вамъ высказаться, мой милый. Я хочу видѣть, до чего дойдетъ ваша наглость.

Яковъ. Она дойдетъ до правды! Эта другая ваша вина, о которой я говорю, — запущенность вашего рудника. Это хозяйственное распутство....

Шроммъ (внѣ себя). Что вы осмѣлились сказать?

Яковъ (начинаетъ горячиться). Да, да, распутное хозяйничанье, которое одно уничтожило не только ваше состояніе, но и десятки человѣческихъ жизней! Въ то время, когда вы давали выходъ своимъ благороднымъ страстямъ, вы повергали своихъ несчастныхъ рабочихъ въ пучину горя и слезъ!...

Вассеритъ, (тихо Фридгеймеру, воодушевленно). Этотъ задастъ ему.

Яковъ. Мужчины, женщины, дѣти, обреченные на мучительную, тяжкую работу подъ землей за жалкую, ничтожную плату!

Шроммъ (задыхаясь). Дальше, дальше!

Яковъ. Да! Дальше! Такъ оно шло все дальше — годы, десятки лѣтъ. И при этомъ вы даже не подумали о безопасности жизни рабочихъ, пока не произошелъ обвалъ, который долженъ былъ произойти... И вы смѣете еще жаловаться на то, что вода, про-

никшая въ шахту, унесла ваше богатство?! А что вы сдѣлали съ трупами? Я видѣлъ эти трупы собственными глазами! И вдовъ, и сиротъ видѣлъ, которыя должны теперь голодать, потому что ихъ кормильцы и отцы положили свою жизнь за ротмистра фонъ Шромма... Вы не были даже на ихъ погребенiи!

Шроммъ. Но вы тамъ были!

Яковъ. Да, былъ.

Шроммъ. И при стачкѣ были? Такъ какъ рабочiе забастовали, то въ шахтѣ и скопилась вода. Сначала я не понялъ, чего собствен но вы тамъ искали. „Что тамъ дѣлаетъ этотъ жидъ"? спрашивалъ я себя....

Яковъ. Онъ исполнялъ христiанскую обязанность.

Шроммъ. Вашъ милѣйшiй своякъ говорилъ мнѣ, будто вы дуракъ и что онъ съ вами поссорился... Но теперь я понимаю! Вы вели съ нимъ одну игру!

Яковъ. Это ложь!

Шроммъ. А, гнусный жидъ!

Яковъ. Вы возьмете это назадъ!

Вассерштъ. (вполголоса Фридгеймеру). Я велю его вышвырнуть. (Звонитъ).

Шроммъ. А если я не возьму назадъ своихъ словъ? Ужъ вы извините мнѣ это, какъ

тогда.... я васъ.....

Слуга (входитъ).

Шроммъ. Я васъ знаю! Вы извиняете своего свояка и просите извиненіе себѣ.... Поганая жидовня!

Яковъ (который при словахъ: „какъ тогда" болѣзненно застоналъ, бросается на Шромма и даетъ ему пощечину).

Шроммъ (пошатнулся, шляпа выпадаетъ у него изъ рукъ, онъ съ хриплымъ яростнымъ крикомъ хочетъ броситься на Якова, но Вассерштейнъ и Фридгеймеръ становятся между ними. Слуга хватаетъ Шромма сзади за обѣ руки и тащитъ его взбѣшеннаго къ лѣвой двери, въ которую съ нимъ и выходитъ. Все это происходитъ съ быстротой молніи).

Вассерш., (несетъ вслѣдъ шляпу, выбрасываетъ ее за дверь, затѣмъ закрываетъ ее и два раза поворачиваетъ ключъ). Ааа, вотъ это было наслажденіе! И отъ пощечины онъ у насъ не отречется, — свидѣтели есть! (Потираетъ руки).

Яковъ (стоявшій послѣ удара неподвижно, вздрагиваетъ какъ бы отъ холода). Онъ ее не будетъ отрицать.....

Фридгеймеръ (опустился на стулъ, про себя, горестно). И онъ тоже, какъ Моисей

изъ Майнца....

Занавѣсъ.

~

Дѣйствіе четвертое.

Декорація второго дѣйствія. 3 часа послѣ обѣда.

1е Явленіе.

Баби и Вассерштейнъ.

Вассершт., (сопровождаемый Баби изъ среднихъ дверей). Г. докторъ дома?

Баби. Нѣтъ, я его сегодня и не видала.

Вассершт. Въ такомъ случаѣ доложите барынѣ, что я здѣсь. Моя фамилія Вассерштейнъ.

Баби (быстро взглянувъ на него). Господи, я васъ совсѣмъ не узнала!

Вассершт., (осматриваетъ ее). И я васъ тоже... Я и сейчасъ не узнаю васъ.

Баби. Я была прежде горничной у Гельманъ, когда фрейлинъ Гермина была еще дома.

Вассершт. Душенька моя! Я вспоминаю, вы та самая недовѣрчивая комнатная кошечка, которая не хотѣла допустить меня къ серебру!

Баби. Вы кажитесь теперь больше ро-

столъ.

Вассерштейнъ. Потому что я выросъ, милое дитя.... (Бьетъ себя по боковому карману). .....Въ особенности въ этомъ мѣстѣ.... (Достаетъ изъ кармана жилета скомканные банковые билеты, ищетъ между ними пять гульденовъ и даетъ Баби). Возьмите!

Баби (держитъ билетъ двумя пальцами). Дать вамъ сдачи?

Вассерштейнъ. Нѣтъ, я дарю вамъ цѣликомъ.

Баби (бросаетъ деньги на столъ). Идите къ другой.... Я честная дѣвушка!

Вассерштейнъ. Что вы подумали? Это такой обыкновенный подарокъ. Я ничего за это не требую, — ни вашей любви, ничего.

Баби. Это правда?

Вассерштейнъ. Когда мои дѣла были плохи, вы относились ко мнѣ вѣжливо, предупредительно, — вотъ и вамъ выгода.

Баби. Сердечно благодарна! (Беретъ деньги).

Вассерштейнъ, (про себя). Такъ поступаетъ Эмануэль Вассерштейнъ.... (Къ Баби). Доложите обо мнѣ.

Баби. Я сейчасъ иду, г. фонъ-Вассерштейнъ (Уходитъ направо).

Вассерштейнъ, (глядя ей вслѣдъ). Ну, — развѣ не существуетъ цѣны на все?

2е Явленіе.

Вассерштейнъ и Гермина.

Гермина (справа). Г. Вассерштейнъ!

Вассершт. Здравствуйте, сударыня! Вашего супруга нѣтъ дома?

Гермина (задумчиво). Вы имѣете что нибудь сказать ему?

Вассершт. Ничего особеннаго, – я хотѣлъ ему выразить свое уваженіе.

Гермина (какъ бы про себя). Онъ ушелъ куда-то! Вы не знаете?

Вассершт. Откуда же мнѣ это знать?

Гермина. Не знаю, меня томитъ какое то предчувствіе.

Вассершт. Вы всегда таковы, сударыня, если онъ уходитъ? Могу прибавить, что онъ человѣкъ солидный и у него нѣтъ никакихъ увлеченій.

Гермина. Ахъ, вы шутите.... А меня не оставляетъ тревога съ той минуты, какъ здѣсь были два офицера!

Вассершт., (садится). Какіе офицеры?

Гермина. Вчера они пришли, – я сама въ передней видѣла ихъ сабли....

Вассершт. Вы напуганы? Ну да.... Что же они хотѣли?

Гермина. Точно не знаю. Они оставались минуты двѣ. Какъ сказалъ мнѣ потомъ,

что у него аграрный процессъ, съ которомъ онъ уже разъ замъшилъ Бурцлехнера. И, дъйствительно, они говорили о Бурцлехнеръ, — онъ и офицеры. Я была тогда у двери и прислушивалась — со страха, — повърьте мнъ, только со страха.

Вассерингъ. Вамъ не для чего оправдываться. Прислушиваться вполнъ естественно, — когда желаютъ добиться чего нибудь.

Гермина. Жакъ упомянулъ раза два имя Бурцлехнера, — больше я ничего не слыхала; они говорили такъ тихо.

Вассерингъ. Они разговаривали тихо? Ну, слава Богу, — значитъ ничего нътъ серьезнаго.

Гермина. И Бурцлехнеръ былъ также сегодня передъ объдомъ и оставался дольше обыкновеннаго. Жакъ съ нимъ ушелъ; они со мною попрощались, смъясь.

Вассерингъ, (просвътлъвъ). Ну, вотъ, ну вотъ!... Что вы себъ вбили въ голову?

Гермина. Такъ, что вы думаете, это все не связано съ Штроммомъ?

Вассерингъ. Онъ теперь будетъ остерегаться вашего супруга.... Въдь, пощечину онъ получилъ! Я говорю вамъ — она звенъла.

Гермина (вздыхая). Я надъ этимъ не могу смъяться.

Вассеритъ. Но я? Я разсказалъ объ этомъ всему свѣту. На биржѣ это произвело очень хорошее впечатлѣнie.

Чермина. Ахъ, что за вздоръ!

Вассеритъ. А какъ это меня обрадовало, я и сказать не могу. Если бъ вы слышали, какъ онъ заступился за бѣдныхъ рабочихъ! Мнѣ сдѣлалось жарко, потомъ холодно за спиной. Я даю, я беру, — все вертится около денегъ. Но есть еще нѣчто другое: честь!

Чермина. Да, онъ говоритъ это часто!

Вассеритъ. Я не могу это говорить, но оно возбудило и меня. Я знаю, — я тотъ нѣкто, который имѣетъ деньги или не имѣетъ ихъ.... Для меня все хорошо, все справедливо. Но, слава Богу, есть еще другie евреи.... Быть можетъ, если бы и я чему нибудь учился и не былъ такимъ пришибленнымъ человѣкомъ, объ котораго всѣ вытирали свои сапоги, — можетъ быть и я былъ бы другимъ.... Пожалуйста, не трудитесь возражать мнѣ.... Что я такое? Я долженъ все прiобрѣтать — только деньгами. Я долженъ платить за дружбу, за любовь, платить за хорошее обращенiе со мною въ гостинницѣ, гдѣ я постоянно бываю.... Имѣю я деньги, меня въ лицо называютъ г. фонъ-Вассерштейнъ

и высмѣиваютъ, если у меня ихъ нѣтъ.... (Мягко). Мнѣ очень грустно.

Гермина. Что съ вами сегодня?

Вассерш. Что то во мнѣ происходитъ, — я самъ не знаю, что именно. Что-то бродитъ во мнѣ тамъ внутри — вотъ тутъ — я не могу только сказать, что это такое.

Гермина. Вы, вѣдь, хорошій человѣкъ, г. Вассерштейнъ.

Вассерш. Смѣшной!... (Стучатъ).

3е Явленіе.

Тѣ же, Рейнбергъ.

Рейнбергъ (изъ среднихъ дверей). Честь имѣю, г. фонъ-Вассерштейнъ!

Вассерш., (пренебрежительно). Здравствуйте, Рейнбергъ!... Теперь позвольте мнѣ удалиться.

Рейнбергъ (пожимая руку Гермины, тихо, настойчиво). Не отпускай его!

Гермина. Почему?

Рейнбергъ (какъ прежде). Ты должна мнѣ помочь! (Громко). Г. фонъ-Вассерштейнъ!

Вассерш., (у выхода). Ну?

Рейнбергъ. Подождите меня мгновенье.

Вассерш. Для чего?

Рейнбергъ. Вы можете взять меня съ

собою въ своемъ экипажѣ, который я видѣлъ внизу.

Вассеритъ., (иронически). Ахъ, вотъ что!... Но я уже откланялся.

Гермина (смѣясь). Вы можете снова явиться.

Вассеритъ. И то правда. И это я могу. (Возвращается и садится слѣва впереди).

Рейнбергъ. Я сейчасъ буду готовъ, г. фонъ-Вассерштейнъ! (Къ Герминѣ). Твой мужъ дома? (Направляется въ правую сторону).

Гермина. Онъ въ засѣданіи. (Снова озабоченно). Ему бы время возвратиться.... Что ты хотѣлъ отъ него?

Рейнбергъ (шепотомъ). Ничего. Это только предлогъ.... Ты должна попросить Вассерштейна, чтобы онъ меня пощадилъ. Тебѣ онъ не откажетъ. Онъ былъ влюбленъ въ тебя; онъ и сейчасъ еще....

Гермина. Что случилось?

Рейнбергъ. Онъ можетъ меня разорить. Онъ имѣетъ Розамундовскія акціи, которыя я долженъ сдать. Я теперь это знаю. Если онъ пожелаетъ прищемить меня, я пропалъ... Попроси у него этой милости для меня.

Гермина. Хорошо. (Отходитъ налѣво).

Рейнбергъ (громко). Знаешь, что, Гермина, — я лучше напишу это Жаку... (Садится

за письменный столъ). Ты можешь кое что забыть. (Садится и пишетъ).

Гермина (подойдя къ Вассерштейну). Милый Вассерштейнъ, у меня къ вамъ дипломатическая миссія.

Вассершт., (поднявшись). Да? Отъ кого?

Гермина. Отъ Фрица. Онъ открылъ мнѣ свое положеніе. Вы можете его уничтожить.

Вассершт. Я? Шутки!

Гермина. Въ дѣйствительности я этого не понимаю. Онъ говоритъ что онъ стиснутъ.

Вассершт., (догадываясь). Въ углѣ? Розамундовскія!

Гермина. Да.

Вассершт. А я было думалъ, что это Шлейзингеръ.... Онъ это?...

Гермина (просительно). Не топите его! Оставить васъ съ нимъ наединѣ?

Вассершт., (наклоняетъ голову).

Гермина (уходитъ налѣво).

Вассерштейнъ (идетъ направо, бьетъ Рейнберга по плечу). Рейнбергъ, вы оселъ!

Рейнбергъ (встаетъ, покорно). Почему, г. фонъ-Вассерштейнъ?

Вассершт. Потому, что вы дали себя приземлить.

Рейнбергъ. Я въ вашихъ рукахъ.

Вассершт. И теперь вы дрожите предо

мною? Предъ Эмануэлемъ Вассерштейномъ! Заслужили вы это вполнѣ, потому что вы часто оскорбляли меня.... но.... (взглянувъ налѣво)..... я васъ выпущу.

Рейнбергъ (хватаетъ обѣ руки Вассерштейна). Мой спаситель!... Вы благородный человѣкъ!

4е Явленіе.

Прежніе, Ваби.

Ваби (вбѣгаетъ). Г. фонъ-Рейнбергъ!

Рейнбергъ. Чего вы кричите?

Ваби. Докторъ Вурцлехнеръ на улицѣ и хочетъ съ вами говорить.

Рейнбергъ. Со мною?

Ваби. Онъ сказалъ, что если госпожа здѣсь, то не можетъ зайти.

Рейнбергъ. Странно! (Спѣшитъ къ двери).

5е Явленіе.

Рейнбергъ, Вассерштейнъ, Францъ.

Францъ (входя, озирается по сторонамъ). Мы одни?

Ваби (уходитъ).

Рейнбергъ (тревожно). Что приносите вы?

Францъ. Несчастье. Яковъ дрался на дуэли съ ротмистромъ—часъ тому назадъ.

Вассерштн., (упавъ на стулъ). Боже Пра-

бедный!

<u>Рейнбергъ.</u> Раненъ?

<u>Францъ.</u> У него пуля въ груди.

<u>Вассерштт.</u>, (<u>плача</u>). Онъ еще живъ?

<u>Францъ.</u> Да... Докторъ Бихлеръ везетъ его въ каретѣ. Конечно, очень медленно..... Я поѣхалъ впередъ, чтобъ приготовить жену.... (<u>Печально</u>). Кто нибудь долженъ поѣхать къ родителямъ. Этого я не могу. Я не могу.

<u>Рейнбергъ.</u> Прошу васъ, дорогой Вассерштейнъ

<u>Вассерштт.</u> Я? Какъ зовутъ меня? Что я изъ желѣза?

<u>Францъ.</u> Я прошу васъ, сдѣлать это!

<u>Вассерштт.</u> (<u>поднявшись</u>). Скажите мнѣ, живъ ли онъ еще?

<u>Францъ.</u> Живъ. Онъ вѣрно скоро будетъ здѣсь.

<u>Вассерштт.</u>, (<u>надѣвъ шляпу, складываетъ руки на груди</u>). Слушай, Израиль!... (<u>Молится шепотомъ</u>).

<u>Францъ.</u> Идите же скорѣе!

<u>Вассерштт.</u> Спѣшу. Какой печальный путь! (<u>Уходитъ въ среднія двери</u>).

<u>6е Явленіе.</u>

<u>Францъ, Рейнбергъ, потомъ Гермина.</u>

<u>Францъ.</u> Надо предупредить жену, чтобъ

она не встрѣтила его слезами!

Рейнбергъ. Рана тяжела?

Францъ. Докторъ Бихлеръ только вздохнулъ, когда я его спросилъ....

Рейнбергъ. Не повредитъ ли ему переѣздъ?

Францъ. Они стрѣлялись въ манежѣ. Тамъ была сдѣлана первая перевязка, послѣ которой онъ пожелалъ домой. Бихлеръ долженъ былъ согласиться. Раздраженіе увеличило бы опасность.

Рейнбергъ (отворяя двери налѣво). Гермина,

Гермина (входя). Фрицъ?

Францъ (молча кланяется).

Гермина (замѣтивъ Франца). Что случилось?

Рейнбергъ. Дорогое дитя, ты, вѣдь, благоразумна. Ты знаешь, въ жизни бываютъ различныя вещи.

Гермина (съ крикомъ). Что произошло?

Францъ. Не пугайтесь сударыня.... не надо приходить въ отчаяніе!

Гермина (плача). Что? Что?

Францъ. Нашъ Якобъ.....

Гермина (внѣ себя). Какъ? Что съ нимъ, ради Бога?

Францъ. Онъ дрался на дуэли.

Гермина (рыдаетъ, ломая руки).

Францъ. Докторъ надѣется, что рана не

опасна.

Рейнбергъ. Ты слышишь? Не падай духомъ!

Францъ. Вы не должны его волновать.

Гермина. Гдѣ онъ?

7е Явленіе.

Прежніе, Баби, потомъ Бихлеръ, Яковъ и два носильщика.

Баби (вбѣгаетъ). Господи, тамъ принесли нашего барина!

Рейнбергъ. Спокойнѣе, спокойнѣе!

Бихлеръ (изъ средины). Приготовьте постель.

Рейнбергъ (къ Баби). Скорѣе, кровать!

Баби (убѣгаетъ направо).

Яковъ (съ закрытыми глазами, безъ чувствъ, на рукахъ двухъ носильщиковъ).

Гермина. Какъ! (Хочетъ броситься къ нему).

Францъ (держа ее). Тссс......

Бихлеръ. Онъ въ обморокѣ.... (Къ носильщикамъ). На софу!

Носильщики (кладутъ Якова осторожно на софу и удаляются чрезъ средніе двери).

Бихлеръ (наклоняется къ Якову, потомъ обращается къ Герминѣ). Полотна, воды, льда!

Рейнбергъ. Сейчасъ все приготовлю. (Уходитъ направо).

Бихлеръ (осматриваетъ повязку Якова).

Яковъ (раскрывъ глаза, слабо). Ахъ..... вы дѣлаете... мнѣ больно... Бихлеръ - спасибо! Гермина!

Гермина (припадаетъ къ нему).

Бабы (справа, быстро къ Бихлеру). Постель готова! (Уходитъ направо).

Бихлеръ. Мы положимъ васъ въ постель.

Яковъ (безсильно). Нѣтъ! Здѣсь!... Гдѣ Францъ?

Францъ (около). Я здѣсь.

Яковъ. Спасибо, дружище!... Я останусь здѣсь.... Около моихъ книгъ.... Знаете еще, чего я хочу?.... Примиренія!....

Бихлеръ. Не говорите такъ много!

Яковъ (жметъ Францу руку). Добрый другъ!... Скажи равнину, что какъ Моисей - изъ Майнца!... (Шепчетъ). Надъ трупомъ сидѣла мать, веселая, смѣясь.... (Теряетъ снова сознаніе).

Рейнбергъ (справа съ питьемъ, чашкой, простынями, тихо къ Бихлеру). Ледъ сейчасъ будетъ.

Гермина (тихо Бихлеру). Могу я помогать?

Бихлеръ (печально). Нѣтъ!

8-е Явленіе.

Прежніе, Самуэль, фрау Самуэль, Вассерштейнъ.

Фрау Самуэль (съ потеряннымъ взоромъ — заливаясь слезами, падаетъ между мужемъ и Вассерштейномъ, которые взяли ее подъ руки).

Самуэль (со стономъ). Гдѣ мой сынъ?

Францъ (идя на встрѣчу). Онъ безъ чувствъ..... Только спокойствіе!

Фрау Самуэль (приходитъ въ себя).

Яковъ (очнувшись). Скажи равину!

Францъ (тихо Вассерштейну). Что онъ хочетъ отъ равина?.... Пріобщиться св. тайнъ?

Вассерштн., (качая головой). Мы умираемъ безъ причастія.....

Яковъ (зоветъ слабо). Матушка!... отецъ!...

Самуэль (ведетъ жену къ софѣ). Анна, жизнь моя, мы здѣсь.

Яковъ (подымаясь). Свѣтъ!

Вассерштн., (тихо рыдаетъ).

Рейнбергъ. Не волнуйтесь такъ, дорогой другъ!

Вассерштн. Почему онъ, — почему не мы?

Бихлеръ (сажаетъ Якова при помощи Франца).

Яковъ (отыскавъ руку матери, цѣлуетъ

ее). Прости мнѣ это горе матушка.... (Цѣлуетъ, крѣпко пожимая руку отца). Ты это поймешь, отецъ! Ты мужчина! (Сильнѣе). Евреи, братья мои, вамъ снова дадутъ жить, если вы..... Зачѣмъ вы держите меня? И такъ крѣпко!.... (Шепчетъ). Я хочу вонъ отсюда!.... (Очень сильно). Вонъ — изъ — этого — Гетто! (Разсѣкаетъ обѣими руками воздухъ, падаетъ назадъ и умираетъ).

Бихлеръ (къ окружающимъ). Умеръ!

Самуэль (встряхнувшись, сильно). Богъ далъ, Богъ взялъ. Да прославится имя Твое, Господи!

Занавѣсъ.

÷

Конецъ.

Пьеса эта написана въ Парижѣ, въ 1894 году.

2007237570